

ЕЛЕНА КЕЛЕН

УСЛОВНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ

16+

Елена Келен

Условная реальность

«Автор»

2018

Келен Е.

Условная реальность / Е. Келен — «Автор», 2018

ISBN 978-5-532-96121-0

Как скоротать космические будни участникам межгалактической экспедиции на орбитальный город планеты Проксима Центавра? Нет ничего проще: новый проект «Условная реальность» позволяет конструировать свои миры даже в пределах каюты. Материализация происходит на уровне сознания с помощью кристалла. Игру необходимо пройти до конца или просто перевернуть кристалл вершиной вниз. Но вернувшись в действительность и совершив гиперскачок в пространстве, команда с ужасом узнает, что орбитальный город уничтожен, связи с космоцентром Земли нет и не будет, путь назад отрезан космическими пиратами, а на борту звездолета действует коварный и беспринципный враг. Книга ранее выходила в ООО Издательский дом "БИБЛИО-ГЛОБУС", ISBN 978-5-907063-12-9

ISBN 978-5-532-96121-0

© Келен Е., 2018

© Автор, 2018

Елена Келен

Условная реальность

КНИГА 1. В когтях дьявола

Космос, ты безумцам сердца пленил,

Завладев навсегда их душой.

Блеском звезд и простором манил,

Расставались люди с Землей...

...Продираясь по пояс в море густой душистой травы, они бежали босиком по залитому солнцем лугу. Озорные ромашки, едва касаясь нежными лепестками, приятно щекотали кожу. В воздухе сильно пахло медом. Из высокого поднебесья рассыпал свою звонкую переливчатую трель жаворонок...

– Ты вернешься? – Чистый, беззаботный смех замер на губах.

– Конечно вернусь! Я обязательно вернусь...

Черная тень, страшной громадой возникшая из ничего, захлестнула пространство, пожирая цветы и сказочную фею. Причудливые замки превратились в руины. Мгла разверзлась. Яркий ослепительный луч огненным крестом перечеркнул жизнь...

Резкий оглушительный вой сирены разорвал шаткую тишину. Замигало световое табло. Вспыхнул экран сфериза, и властный металлический голос смахнул последние остатки ночи:

– Антарес, Денеб, Вега – к Арктуру...

ГЛАВА 1. КОСМИЧЕСКИЕ БУДНИ

...Корабль летел вперед, вспарывая бескрайнюю тьму космоса, загадочно мерцавшую мириадами звезд. Звезды были разбросаны повсюду, большие и маленькие, далекие и близкие, как в ясную лунную ночь у подножья вулкана Мауна-Кеа, на Гавайях, только гораздо красивее. Они манили и завораживали своей холодностью и величием.

Кариленд Хьюз откинулась в кресле: «Как быстро бежит время. Ведь еще каких-то пару дней назад мы вместе с Морицем сидели дома и смотрели по сферизу, кажется, двести семнадцатую серию суперсовременного психологического боевика производства «Десса-галактик корпорэйшн», действие которого разворачивается в пятом или шестом измерении параллельного мира. Я говорю «кажется» потому, что, если честно, смотрел его один только Мориц, с головой погрузившись в виртуальную реальность. Я же пыталась сосредоточиться на спец-программе курса «Основы жизни. Молекулярное конструирование». К нам должна была присоединиться и Окинава, но еще утром ей пришлось срочно вернуться домой.

Окинава и Мориц – псоглавцы, которых в нашем мире практически не осталось. Люди давным-давно истребили их, вычеркнув даже саму память об этом рослом удивительном народе с волчьими головами. А вот на Церере сохранились целые поселения. Может, псоглавцы немного и агрессивны в своих эмоциях и чересчур прямолинейны в суждениях, но более преданных друзей вряд ли сыщешь во всей Вселенной. К тому же они очень наивны и необычайно сильны. Им нравится наша планета и ее жители. Да и люди, в свою очередь, теперь учатся принимать мир и его обитателей такими, какие они есть.

Мы живем в эре межзвездного космоса и входим в Единое Межгалактическое Содружество планетарных систем или, по-другому, Звездный Альянс. Эра околоземного космоса осталась в недавнем прошлом. И теперь мы очень хорошо понимаем, что человечество отнюдь не одиноко во Вселенной. Нет необитаемых планет, есть просто разные формы жизни и разные уровни развития. И как нам порой нет дела до муравьев, так и суперсистемам нет дела до нас. У них свои плеяды, своя жизнь. А мы для них те же самые муравьи: они знают о нашем существовании, видят, изучают, порой приглядывают за нами, порой приходят на помощь, но не более того. Богом быть трудно.

Каждая цивилизация в своем развитии должна пройти определенный путь, подчас он бывает тернистым и сложным и может продлиться не одно тысячелетие, но его обязательно надо пройти. Иначе мы просто не сможем двигаться дальше, а это равносильно смерти. Нельзя перескочить через определенный этап эволюции, как нельзя списать домашнее задание в школе. Учитель может объяснить, подсказать, предостеречь, но суть ты должен постичь сам, своим умом, своим сознанием. Здесь – то же самое. Готовые знания, полученные на блюде, но взятые неподготовленными и непосвященными людьми, как показывает история, на деле оказываются чрезвычайно опасными. Иначе говоря: «Всему свое время». Наше время, по-видимому, еще не пришло. Земля, как и многие другие планеты Альянса, находится в самом начале своего звездного пути. Мы учимся жить по космическим часам и законам. Проектируем новые корабли и строим орбитальные города. Открываем пространственно-временные тоннели и совершаем гиперскачки в неизведанное. Но, несмотря на все это, мы, тем не менее, по-прежнему остаемся только людьми, со всеми своими слабостями и недостатками, чувствами и эмоциями... Хотя, я, наверное, слишком отвлеклась.

Итак, мы с Морицем сидели у нас дома, когда вернулся Влад. Влад – это мой старший брат, ужасный зануда, правда, многие считают его звездолетчиком от Бога. И, наверное, не случайно, несмотря на молодость, братишка уже член Академии космических исследований. На его счету с десятков полетов, причем не только на орбиталки Солнечной системы, но и в соседние с нами галактики. Почти с порога Владька заявил, что завтра снова улетает на орбитальный город Майера, вечного спутника Каскары, где он уже побывал четыре земных года назад. Каскара – небольшая планета системы звезды Проксима Центавра и очень напоминает собой Землю...

– Кари, тебя к капитану, – неожиданно совсем рядом произнес Отери Фрацес, выдерживая ее из размышлений. – Влад попросил зайти сказать и заодно проверить твою внутреннюю связь – она у тебя, наверное, не работает.

– Ну, раз Влад попросил, можешь, конечно, проверить, но так, на всякий случай, ведь приказы капитана звездолета не обсуждаются... Только сразу предупреждаю: зря потеряешь время, я ее просто отключила.

– Зачем?

– Видишь ли, от моего брата ничего хорошего ждать не приходится, по крайней мере, мне: одни сплошные нравоучения на правах старшего по званию, да и так тоже, поэтому если заблокировать только его – сразу догадается, пришлось выключить полностью. К тому же Акелс очень настойчиво...

– Тоже воспитывал? – с иронией подсказал Фрацес, тряхнув огненно-рыжей шевелюрой.

– Хуже. Пытался объясниться мне в любви, – спокойно пояснила девушка.

Отери улыбнулся:

– Да с таким, как Ленцед, надо держать ухо востро.

– Вот я и держу... Да, кстати, давно меня мой капитан вызывает?

– Минут пятнадцать.

– Ого, вот это терпение, позавидуешь. Ладно, тогда я пошла, – словно делая великое одолжение, произнесла Кари.

– А может, лучше по сферизу? Я его сейчас подключу.

– Нет, я, пожалуй, лучше пройдуся.

– А, ну да, живое общение ничем не заменишь.

– Не усложняй. Живое общение тут точно ни при чем, но при встрече, в отличие от удобных девайсов, велика вероятность разминуться. Представляешь: я захожу к Владу, а он в этот момент куда-нибудь вышел...

– И не надейся.

– Да, Рыжик, ты умеешь подбодрить друга в трудную минуту. – Весело подмигнув Фрацесу, девушка покинула пределы своей каюты.

Настроение у нее было отличное, хотелось почему-то петь, танцевать, говорить глупости. От нечего делать Кари начала мысленно подсчитывать, сколько кают осталось до отсека, где находился ее брат. Но на цифре три она вдруг почувствовала, что кто-то осторожно и очень ласково приобнял ее за плечи, продолжая идти в ногу с ней. От неожиданности девушка вздрогнула и словно ужаленная повернулась всем корпусом к таинственному спутнику. Шестое чувство не подвело – рядом, конечно же, шел Лиар. Да и трудно было бы представить, если на его месте оказался бы кто-нибудь другой. Марсиане в своем большинстве, как правило, очень пружинисты и бесшумны, точно кошки. И Коугенс не исключение.

Кари знала Лиара, что называется, с детства – закадычный друг Влада еще по космошколе, посещая Землю, всегда останавливался у них. Правда, за последние три года, пока они не виделись, Коугенс сильно изменился: повзрослел, возмужал и из худощавого нескладного паренька с большими золотистыми глазами превратился в настоящего писаного красавца. Высокий, широкоплечий, с безукоризненно правильными чертами лица и бледно-голубоватой кожей марсианин теперь больше всего походил на ожившее божество и явного представителя своей планеты. От прежнего Лиара остались только его по-настоящему бесовские глаза с узкими темно-фиолетовыми зрачками, которые завораживали своей неземной красотой и приводили Кари в легкое, но заметное для всех остальных трепетное смущение. И вот сейчас этот несравненный Аполлон вышагивал слева от нее, полусхваченный обнимал и улыбался самой приятной, самой обворожительной улыбкой, на которую только был способен.

– Привет, Кари! Вот уж не думал тебя напугать.

– Я вообще-то не испугалась, – чересчур поспешно опровергла его девушка и тут же призналась под пристальным взглядом золотисто-фиолетовых глаз: – Ну, может, немного, совсем чуть-чуть. – И вдруг, разозлившись на саму себя, с возмущением набросилась на Коугенса: – Что за дурацкая привычка незаметно подкрадываться!

– Хорошо, малыш, не сердись, я обязательно учту на будущее.

– А еще я ненавижу, когда меня называют малышом, крохой или юнликом!

– Ну, юнликом я тебя ни разу не называл. Занятно, надо будет запомнить...

– Только попробуй!.. Это не ты, это Акелс, – ничуть не растерявшись, поправила Кари.

– Вот видишь! А то вешаешь все грехи на меня. Ладно, ты лучше скажи, куда путь держишь. Наверняка Ленцеда с Лане ищешь?

– Нет, я к капитану.

– Ооо, – многозначительно протянул Коугенс. – Тогда не смею больше задерживать. Или, может, наоборот – составить тебе компанию, так сказать, группу поддержки?

– Не стоит, сама разберусь... А что ты там про Акелса с Лане говорил? Почему я должна спешить к ним?

– Я просто подумал, раз те двое, решив скрасить наши однообразные космические будни, в данный момент вплотную занялись конструированием условной реальности, тебя это должно жутко заинтересовать. Несмотря на то, что погружение всех желающих через два часа, совершенно не возбраняется явиться и пораньше для внесения своей посильной лепты, то есть фантазии, в этот творческий процесс.

– Но тогда это уже не будет сюрпризом.

– Для тебя, пожалуй, да, а вот для других... Хотя здесь надо еще разобраться, что ты подразумеваешь под словом «сюрприз». Ведь условная реальность – это всего лишь заданный фон, декорации или, другими словами, некая канва, в которую потом по крупницам вплетется целый сюжет, но этот сюжет вплетем и построим мы своими словами, поступками и действиями. А разве можно со стопроцентной вероятностью спрогнозировать, как поведет себя каждый из нас в данной ситуации?

– А знаешь, ты, наверное, прав, – согласилась с ним Кари, что-то мысленно взвесив. – Так где, ты говоришь, сейчас Акелс и Лане? В комнате отдыха? – на всякий случай уточнила она.

– Ну, насчет комнаты отдыха я тебе ничего не говорил, сама догадалась, – поправил ее Лиар. – Ты же вроде к капитану собиралась?

– Собиралась, но ведь могу же я по пути, всего лишь на одну минуточку, заглянуть к своим друзьям на вторую палубу?

– Ну, если по пути и на минуточку, конечно, можешь, – улыбнулся Коугенс вслед убегающей по узкому коридору девушке.

– Салют, ребята! – звонко воскликнула Кари, возникая в распахнутых дверях каюты отдыха – полусферического отсека с уютными мягкими креслами.

Ленцед, высокий блондин с темными выразительными глазами и черными, как смоль, бровями, обернулся и в знак приветствия небрежно махнул ей рукой. Его напарник Лане Молл был не так сдержан в своих эмоциях и радостно расплылся в улыбке:

– Акелс, смотри-ка, кто к нам явился. Это ведь наш незаменимый биолог! А мы только-только о тебе вспоминали...

– Надеюсь, хорошим словом? – как бы между прочим уточнила девушка, проходя в комнату.

– И ты еще сомневаешься?! Да Лане просто места себе не находил, так волновался, почему тебя не видно и не слышно последние полтора часа.

– Но ты, надеюсь, убедил его, что со мной все в полном порядке?

– Не успел, – честно признался бортинженер. – Ты сама развеяла напрасные беспокойства по этому поводу.

Молл по-мальчишески покраснел:

– По-моему, ты тоже рад ее видеть, – буркнул он, уткнувшись в кристалл сфериза.

– Не спорю, – невозмутимо сказал Ленцед и, обращаясь к девушке, спросил: – Кари, ты, наверное, решила нам немного помочь?

– Ну да, если возможно. Лиар мне сказал...

– Конечно возможно, – перебил ее Акелс. – Итак, что ты предлагаешь? Ты уже когда-нибудь сталкивалась с условной реальностью?

– Нет, но мне рассказывали, что все, что в ней происходит, происходит так, как будто на самом деле. И ты порой даже не можешь отличить, где вымысел, а где настоящее. Материализация на уровне сознания с помощью кристаллов.

– Да, что-то в этом роде. Конструируя условную реальность, мы словно создаем себе параллельный мир, но только в определенно заданных параметрах, допустим, в пределах этой комнаты.

– То есть стоит мне из нее выйти, и наваждение закончится?

– Безусловно, морок есть морок. Смахни его, и ты сразу вернешься в наш привычный мир.

– Но из комнаты еще надо выйти, – предостерег ее Лане, до этого молча колдуя с кристаллом.

– То есть ты хочешь сказать, что я могу не найти дверь, или какие-то силы не подпустят меня к ней?

– Двери бывают разные, Кари, в условной реальности они тоже существуют. И где вероятность, что ты откроешь настоящую?

– И что же тогда делать?

– Идти до конца, у любой игры есть начало и есть конец... Ну или, на крайний случай, просто повернуть кристалл вершиной вниз.

– А если он тоже из условной реальности?

– Вполне возможно. – Губы Акелса тронула загадочная усмешка. – Ты молодец, все схватываешь на лету, – похвалил он ее.

– Но ведь таким образом человечество может запросто загнать себя в угол. Нет, я не так выразилась... В рамки какого-то иллюзорного мира.

– Кари, а хочешь, я угощу тебя тэвиником, – неожиданно предложил Ленцед и протянул ей сочный ярко-солнечный плод так называемого райского дерева.

Когда-то эти невысокие колючие кустарники в большом изобилии росли по берегам рек в причудливых реликтовых рощах Антаки, но после изменения климата в результате неудачного эксперимента планеты Виелуки рощи заметно поредели, а тэвиники попросту исчезли. И теперь их сладковато-терпкий, с ненавязчивой горчинкой вкус и неповторимый, пьянящий голову душистый аромат остались только в воспоминаниях.

Девушка, не раздумывая, взяла диковинный фрукт и с удивлением посмотрела на бортинженера:

– Но ведь тэвиники...

– Ты хочешь сказать: больше не существуют?

– Ну да, и все попытки ученых-оригинаторов по воссозданию данного подвида пока еще не привели к желаемому результату.

– Но он же у тебя в руках, – простодушно опроверг ее Акелс. – Попробуй, если не веришь мне и своим глазам.

Кари осторожно надкусила вожделенный бархатистый плод, и последние сомнения тут же отпали.

– Ну ты просто змей-искуситель, – протянул восхищенно Молл.

– Но как, откуда он у тебя, где ты его взял?!

– Условная реальность, – неопределенно пожал плечами Ленцед перед тем, как проворно перевернуть кристалл.

Тэвиник исчез, растворившись в воздухе.

– Не может быть! Я так явственно ощущала его вкус, я до сих пор его чувствую!

– Выходит, этот мир не такой уж и иллюзорный? А то, что он опасен, да, я не спору. Но согласись, любое благое дело можно обернуть во зло. Человечество на протяжении всей истории не раз доказывало это своими поступками, заодно убеждая и других. Изучение условной реальности только начато, и, как любое значимое открытие, оно сулит, с одной стороны, новые горизонты и возможности для развития нашей цивилизации, а с другой стороны – ее неминуемую гибель. Но сегодня, я обещаю тебе, мы будем использовать условную реальность исключительно в мирных целях, ведь в полете, чтобы скрасить космические будни, иногда так приятно вспомнить о доме...

Кари заметно оживилась:

– И у нас будут тэвиники?

– Ну разумеется, – поспешил заверить ее оператор связи, – сколько захочешь. Только об этом пока никому ни слова.

– Не переживай, Лане, это будет наш с тобой маленький сюрприз.

– Ты, наверное, хотела сказать секрет? – поправил он девушку.

– А в чем разница? По-моему, одно непременно подразумевает другое, – заговорщицки подмигнула ему Кари. – Ребята, а вы можете сделать так, чтобы эта комната превратилась в лесную опушку? Кругом вековые деревья, а на поляне – пушистый ковер травы и море цветов.

– Нет ничего проще! Да ты и сама это сделаешь, – утвердительно кивнул Акелс. – Подойди сюда, – позвал он ее.

Кари приблизилась.

– Положи руку на кристалл, – он сейчас как раз находится в состоянии абсорбции информации, – и хорошенько представь себе, вплоть до самых мельчайших подробностей, всю ту

картину, какую хочешь здесь увидеть. Только не торопись, доверься своим ощущениям, чувственным рецепторам. Запах хвои или листьев, пение птиц, жужжание шмеля, легкий ветерок, но не раскладывай все это на отдельные фрагменты или составляющие. Запомни, образ должен быть единым, цельным и четким. Сфокусируйся на своих эмоциях, передай их. – И, видя ее нерешительность, добавил: – Ну же, смелее!

– А если у меня ничего не получится? – на всякий случай поинтересовалась девушка, осторожно касаясь кристалла.

– Это у тебя-то? – присвистнул Молл.

Но Акелс жестом остановил его: «Не мешай».

Кари зажмурилась и попыталась сосредоточиться: «Итак, передо мной огромные деревья. Вон там слева едва приметная тропинка, по обе стороны от которой в изобилии растут папоротники и цветы... Интересно, а какие цветы? Кажется, они называются медуницей, маленькие такие, невзрачные темно-фиолетовые или розовые. Или нет, пусть будут лучше голубые... Нет, не то...»

И вдруг откуда-то из памяти перед девушкой встал лес. Зимний, пустой. Тихий шепот ветра, вечнозеленые ели, одетые в роскошные белые шубы. Снег от морозца поскрипывает под ногами и искрится, переливаясь на солнце драгоценными камнями. Чистый, крепкий воздух, пронизанный мерцающим инеем, заполняет легкие. Холод цепко перехватывает горло, но, несмотря на это, дышится очень легко и свободно. Волшебство и ожидание чуда царят в этих удивительных сказочных чертогах. Они пленяют, они завораживают своей красотой...

Кари открыла глаза:

– Ну как?

– Но ты же вроде хотела лето? – вместо ответа слегка обескуражено напомнил Лане.

Ленцед едва заметно улыбнулся:

– А это, мой юный друг, то, что называется пресловутой женской логикой. Поверь мне на слово, она практически не изменилась со времен околоземного космоса, эволюция здесь бессильна. – И, обращаясь уже к Кари, ободряюще добавил: – Вообще-то получилось очень здорово и неожиданно.

– Правда? – совсем по-детски восторженно переспросила та, даже не вступая в полемику насчет пресловутой женской логики. – Или ты опять шутишь?

– Конечно правда, какие могут быть шутки? Вон и Лане подтвердит.

– Да, неплохо вышло, особенно если учесть, что на Земле настоящую снежную зиму во всем ее проявлении теперь можно увидеть только по сферизу или в специализированных заповедных зонах по предварительному резервированию на год. Так почему бы нам не устроить ее здесь? Ты так эмоционально передала природу и настроение, что мне самому захотелось побыстрее очутиться там. Покататься на санках, на лыжах, поиграть в снежки, просто поваляться в снегу, а потом согреться у небольшого костерка хорошей порцией крепкого горячего чая, обжигая замерзшие руки и губы.

– Ну, это ты потом подкорректируешь, – обнадежил его бортинженер. – Только для большей убедительности не забудь про теплую одежду и рукавицы. Наши пилотные комбинезоны, конечно, хороши, но в данном случае они не сильно соответствуют реалиям.

– Ладно, обязательно добавлю.

– Ребята, а вам не кажется, что эта каюта слишком маловата для лыжни и снежных забав?

– Пространство, Кари, окружающее нас, очень пластично, оно тягуче и податливо, и его запросто можно менять при формировании условной реальности, сжимая или расширяя в заданных пределах.

– Получается, ты можешь создать даже новую Вселенную в пределах этой комнаты?

– Нет ничего невозможного, и когда-нибудь это действительно произойдет. Люди рано или поздно научатся создавать свои миры. Но сейчас мне не хватит ни мощности кристалла, ни

моих знаний, как творца, в области структурирования основных законов и принципов мироздания. Вдобавок ко всему сюда вплетается время, а человечеству о нем почти ничего не известно. Время довольно сложно представить, его нельзя ощутить, а значит, и отразить в кристалле.

– Выходит, тот лес, который мы только что создали, – мертвый лес, ведь в нем нет времени?

– Нет, Кари, время в нем есть, и оно уже заложено нами, нашими мыслями. День будет сменять ночь, а на смену зимы придет весна, но одно дело задать время на конкретном хорошо изученном фрагменте и совсем другое – при рождении новой Вселенной. Слишком масштабная категория, отдельному человеку сейчас вряд ли под силу охватить, а главное, представить все ее взаимосвязи.

– Но ведь можно начать с малого, а потом постепенно корректировать, вносить разные изменения, разве не так? – не сдавалась девушка. – В конечном итоге это в твоей власти перевернуть кристалл или оставить все как есть. Ты же сам говорил...

– Видишь ли, по мере развития и усиления материализации объекта перевернуть кристалл с каждым разом становится все сложнее. Это равносильно тому, как если бы автор вдруг решил уничтожить свое уже почти законченное произведение.

– Рука не поднимается?

– Данный момент, конечно, тоже присутствует, очень жаль затраченных сил и времени, но главное не в этом.

– А в чем же? – заинтересовался и Молл, который до этого не проронил ни звука.

– Вы наверняка слышали такое старое расхожее выражение, как «рукописи не горят». С точки зрения элементарных физических законов это истинная правда.

– А знаю, знаю, – перебила его Кари: – Наши мысли и эмоции материальны, следовательно, информация, заложенная в них, не ограничивается видимым человеческому глазу накопителем, особенно бумажным.

– Вот именно. И здесь я полагаю, то же самое. Кристалл – это видимый глазу накопитель, но в нашей Вселенной, как показывают последние исследования, где-то наверняка существует и более емкий банк данных, куда мгновенно стекается вся информация с объектов. При этом я не беру во внимание планетарные и галактические инфосферы. Стирая запись с кристалла отнюдь не означает полное аннулирование ее в пространстве. Следовательно, рано или поздно копия может вновь материализоваться. Но теперь она уже не будет зависеть от нашего кристалла, и процесс развития пойдет своим чередом. Хорошо, если это просто тэвиник или зимний лес, а если что-то более глобальное? Например, новый мир со своими законами микро- и макрокосмоса, которые на деле, оказывается, противоречат нашим? Одним из видов взаимопревращения пары элементарных частиц, как правило, является аннигиляция материи... К тому же следует учитывать, что объекты, которые когда-то уже были материализованы, воспроизводятся намного быстрее, у них волновой слепок четче.

– Но в условной реальности все объекты уже изначально являются материальными, – озадачено произнес Лане.

– В том-то и дело. Правда, здесь необходимо отметить, что материализация тоже имеет свою градацию или, иначе говоря, степень. Наивысшая и практически необратимая – это шестая. Вероятность последующего перехода таких объектов в нашу действительность предельно высока.

– И от чего она зависит?

– Ты имеешь в виду степень материализации? Как я уже говорил, от мощности кристалла и периода его воздействия.

– Акелс, но, может быть, тогда мы напрасно...

– Все это затеяли? – усмехнулся, перебивая его, бортинженер. – Поверь мне, здесь абсолютно нет повода для беспокойства. Степень нашей материализации варьируется в пределах

от нуля до единицы. При единице состояние объекта крайне нестабильно в связи с кратковременным интервалом воздействия. То есть по аналогии это почти то же самое, как если бы мы решили посмотреть что-нибудь по сферизу. Разница между нижней границей материализации объекта и верхней визуализации изображения составляет всего каких-то две десятых по приведенной шкале.

– Но неужели эти две десятые дают такой потрясающий эффект осязания? – удивилась Кари, вспоминая тэвиник.

– Как ни странно, да.

– Хорошо, допустим. А чем же тогда отличаются объекты со степенью материализации, ну, например, три?

– Если рассматривать с точки зрения человеческих рецепторов, то практически ничем. Просто у таких объектов чуть больше период распада по завершению, но на ощупь и на глаз это никак не определишь и не заметишь. Распознать степень материализации можно только с помощью специальных высокочувствительных приборов, ориентированных на фоновое излучение.

– А комната сюрпризов?

– Что комната сюрпризов? – не поняв, переспросил ее Акелс.

– Там тоже применяется условная реальность? – уточнила Кари.

– Нет, что ты, там все намного проще. В основу заложен принцип молекулярного структурирования, иначе говоря, в герметизированном челноке установлен обычный атомный копирователь с определенным набором стандартных видов природных ландшафтов различных планет по наиболее расхожим космическим маршрутам. Выбирая один из предложенных видов и запуская копирователь, ты тем самым воссоздаешь искомую экосистему, вернее, ее миниуголок, в данной комнате. Несмотря на все заверения производителей о безграничных возможностях превращений, четыре–пять смен пейзажа за полет – вот и весь заложенный ресурс, после чего начинаются различные сбои. Но, как показала практика, этого обычно бывает более чем достаточно. Ведь для перевозки редчайших экземпляров на звездолете чаще всего используется всего лишь один режим, ну, от силы два или три, и то в случае, если с пересадками, да по замысловатому маршруту.

– А потом, по прибытии в пункт назначения?

– Что делается в пункте назначения – точно не скажу, не знаю, все зависит от того, что представляет из себя этот пункт. А вот по возвращению обратно атомно-молекулярный расходник копирователя заново проходит специальную маркировку, обработку и восполнение до необходимого объема для последующих полетов. Кристаллы и высокие материи, как ты сама понимаешь, здесь абсолютно ни при чем.

– Акелс, ты так хорошо разбираешься в данном вопросе, но откуда ты все это знаешь? Просто интересуешься или..?

Ребята многозначительно переглянулись.

– До полета Акелс участвовал в одном исследовательском проекте, – пояснил ей Лане.

– Вот как, а ты мне ничего об этом не говорил, – обратилась она к Ленцеду. – И я почему-то всегда считала тебя обычным звездолетчиком.

– Я и есть обычный звездолетчик, – заверил ее Ленцед. – Но разве обычный звездолетчик не может быть исследователем? По-моему, одно другому не мешает.

– Наверное, нет, особенно если это касается космоса или летательных аппаратов, – согласилась с ним девушка.

– Проект касался условной реальности и ее последствий для человека, – уклончиво пояснил тот.

– Вот как. И что, неужели вы его уже завершили?

– Нет, до завершения еще очень и очень далеко, исследования в этой области только начаты.

– Значит, ты просто ушел, вернулся к полетам? Но почему?

– Видишь ли, Кари, работать непосредственно в данном проекте допускается только два года и три месяца, после чего все участники вынуждены делать перерыв как минимум на полгода с активным отдыхом или полярно-контрастной сменой деятельности. Чтобы не останавливать проект, на твоё место приходят новые исследователи. Если пренебрегать этими правилами, резко возрастает риск необратимости перехода из одной реальности в другую. Иначе говоря, у человека просто стираются границы между действительностью и искусственно материализованным миром... Так что мой полет можно считать временным отпуском.

– Ну хорошо, Акелс, а как быть с тем, что на корабле, в период временного отпуска, ты вновь занимаешься условной реальностью. Разве это не противоречит тому, что ты только что сказал?

– Ты путаешь такие понятия, как забава и постановочный эксперимент. В последнем случае все намного сложнее и серьезнее. Наша же условная реальность – это всего лишь материализованная игра воображения, конечный продукт, одобренный и допущенный с некоторыми ограничениями к эксплуатации, конечно, не в массовое потребление, нет, а к эксплуатации в отдельных областях и направлениях. Например, клерманты вот уже несколько лет как широко используют данное развлечение, скитаясь по бескрайним просторам Вселенной. Это ведь здорово – ощутить тепло родной планеты среди холодного мерцания звезд. Кроме того, сейчас многие транскосмические компании начинают активно применять условную реальность и на дальних межзвездных рейсах для пассажиров, чтобы побыстрее скоротать время полета вместо анабиоза. Так как наш звездолет относится к межгалактическому классу и выполняет именно такой рейс, на крайние рубежи, то никакого принципиального нарушения в моих действиях нет. К тому же не забывай, конструированием условной реальности у нас на борту всецело занимается Лане, я же слегка помогаю ему в этом, консультирую по некоторым вопросам, – авторитетно заявил Ленцед. Молл скромно потупил глаза. – Итак, мой милый юник, надеюсь, я развеял все твои сомнения или..?

– А...

– Значит, все-таки «или». Ну, так что тебя еще интересует?

– Гиперскачок...

– Что гиперскачок? – не понял Акелс.

– Мы будем проходить его во время условной реальности?

– Нет, что ты, мы закончим нашу игру до него.

– Почему? Это опасно?

– Больших рисков здесь нет, но любой гиперскачок всегда несет в себе некую трансформацию аэротории. А одномоментное искривление пространства изнутри корабля и снаружи может привести к нежелательному резонансному эффекту черной дыры, с выбросом звездолета за пределы нашей временной системы. Правда, вероятность его возникновения ничтожно мала, не больше одного процента, но она все же существует.

– А обычный гиперскачок тоже может привести к таким последствиям? – настойчиво продолжала допытываться Кари.

Ленцед внимательно посмотрел на девушку:

– Это твой первый переход?

– Да.

– И мой тоже, – подал голос Лане.

– Тогда все понятно. Эх вы, юники, а еще обижаетесь на меня. Гиперскачок – это поистине красивое и волнующее зрелище, звезды как бы сами расступаются, пропуская нас вперед, затем темнота, тоннель. Но все происходит очень быстро, практически мгновенно, вы даже испугаться не успеете, не то чтобы что-то почувствовать. Тем более, поверьте мне, «Волна-6» – супернадёжный корабль, последнее поколение инженерной мысли, мы с вами

находимся внутри защитной непроницаемой капсулы, которой абсолютно не страшны кратковременные внешние изменения, связанные с искривлением пространства.

– Это все замечательно, Акелс, но ты не ответил на мой вопрос. Мы тоже можем попасть в ловушку времени?

– Нет, время здесь совершенно ни при чем. Самое неприятное, что с нами может случиться при гиперскачке, это существенное отклонение от заданных координат. Но учитывая, кто является капитаном нашего звездолета... Да, да, Кари, не удивляйся, твой брат – отличный пилот, на счету которого сотни гиперскачков, беспокоиться по данному поводу даже не стоит... А вообще-то, ребята, если вам все-таки немного страшновато, держитесь во время перехода поближе ко мне.

Кари с недоумением и с какой-то затаенной надеждой посмотрела на него:

– И что будет?

– И все будет хорошо, – лукаво подмигнул ей бортинженер.

Молл засмеялся.

– Лане, мне почему-то все время кажется, что у твоего друга чересчур зашкаливает самонадеянность, – ехидно заметила девушка и вдруг спохватилась: – Ой, мальчики, с вами так интересно, я даже про все на свете забыла, а ведь меня Влад дожидается, и уже давно!

– Тогда до встречи. Смотри не опаздывай на игру...

– Постараюсь! Не забудьте про тэвиники, – на ходу бросила Кари и, больше не оглядываясь, поспешила в капитанский отсек.

– Классная девчонка! – восторженно отозвался Лане, как только в коридоре затихли ее легкие шаги. – С такой не соскучишься! Я не спорю, Веда или Лито тоже, по-своему, неповторимы, красивые, умные, но все равно это не то. Кари – она такая, такая... Как бы лучше и точнее выразиться... Понимаешь, она живая, что ли, искренняя, она...

– А по-моему, ты просто влюбился, – с улыбкой подсказал ему Акелс.

На щеках Молла проступил мальчишеский румянец.

– Не знаю, может быть, – неожиданно признался он. – Ты считаешь, это глупо?

– Наоборот, я думаю, это прекрасно, – без тени иронии ответил бортинженер.

* * *

Как только закончилась стыковка кораблей и распахнулись транспортировочные лифты, послышался приглушенный вскрик Дами, а в коридоре раздался топот бегущих ног.

...Светозар Орлов обернулся, и в тот же момент пространство каюты разрезал тонкий пучок лазерных лучей умеренного действия...

ГЛАВА 2. ДУШЕВНЫЙ РАЗГОВОР

Кари впорхнула в капитанскую каюту и кротко, совсем по-ангельски, взглянула на брата из-под густых пушистых ресниц:

– Вызывал?

Но Владислав, не отрываясь, продолжал сосредоточенно изучать карту звездного неба, иногда фиксируя на ней кое-какие только ему понятные закладки. Девушка шумно вздохнула, потопталась у двери и, немного помедлив, вызывающе бросила:

– Влад, я пришла!

Капитан сумрачно покосился в ее сторону:

– Надо же, а я уж и надеяться перестал, переживал, что больше никогда тебя не увижу.

– Твои экстрасенсорные способности всегда оставляли желать лучшего, – заметила Кари с легким раздражением.

Хорошего настроения как не бывало. Она тоскливо огляделась по сторонам. Вроде все как обычно: просторный, залитый светом отсек с высоким потолком, металлическими стенами, серебристым сферизмом и двумя мягкими удобными креслами возле него. Минимализм эргономики для максимума комфорта. Но девушка уже не раз замечала, что стоило ей только пере-

ступить порог капитанской каюты, – а в последнее время это случалось довольно часто, – и привычный дизайн начинал казаться вычурно строгим, если не сказать – безукоризненно чуждым. Оптическая иллюзия, искажая действительность, вызвала нестерпимо-гнетущее ощущение холодности. Возможно, обстановка выглядела бы совершенно иначе, будь командиром звездолета Лиар, Акелс или кто-нибудь еще. Однако Космический Совет по безопасности полетов единодушно и безоговорочно утвердил капитаном «Волны-6» ее брата, а значит, хочешь не хочешь придется терпеть, особенно если учесть, что ты находишься в весьма ограниченном пространстве на борту корабля в составе межзвездной исследовательской экспедиции.

Кари снова глубоко вздохнула, обреченно присела на краешек кресла, завозилась, поудобнее устраиваясь в нем, откинулась на спинку и уже более миролюбиво спросила:

– Может, все-таки объяснишь, зачем я тебе вдруг понадобилась?

– Я вызывал тебя около часа назад по земному времени, – тоном, не предвещавшим ничего хорошего, перебил ее тот. – Но тебе, по-видимому, было очень некогда. Сейчас же я занят. Так что сиди и жди.

– Давай я лучше зайду попозже. Мне еще надо закончить анализ НФМТ, останки которого я обнаружила в одном из экземпляров почвенной прослойки Каскары, полученных незадолго до нашего полета.

– По-моему, этим ты занималась вчера. По крайней мере, мне ты об этом уже говорила.

– Ты немного ошибся, – улыбнулась Кари, отчего на ее упругих щеках появились милые ямочки: – Вчера я занималась исследованием обыкновенного грибка гниения НФМР, выделяющего огромное количество тепловой энергии, – нам на лекциях задали. А НФМТ – насекомое, чем-то отдаленно напоминающее паука-крестовика, только гораздо крупнее и с наростами на кончиках лапок. От паучка там, конечно, почти ничего не осталось, но, ты знаешь, я заметила одну странность. Хочешь, расскажу, в чем она заключается?..

– Нет, – чересчур категорично отрезал капитан. – Я вызывал тебя для серьезного разговора, а не для беседы о пауках и разнообразных там грибках гниения. Хотя эти знания тоже, конечно, важны, но применяй их, пожалуйста, в другом месте и сугубо по назначению. Что же касается выявленных тобой отклонений, я думаю, тебе лучше всего обсудить их с Огюстом Алабьевым, к которому ты направляешься на практику, только не сейчас, а по прилету на орбиталку. Ты же знаешь, я абсолютно некомпетентен в данных вопросах...

– Конечно знаю... Так о чем ты хотел серьезно со мной поговорить?

Владислав пригладил короткие светлые волосы, топорщившиеся непослушным ежиком у него на затылке:

– Неужели не догадываешься? – переспросил он, вставая.

– Нет,нисколько, – искренне удивилась девушка, напряженно следя за его действиями.

– Хорошо, тогда я задам тебе еще один вопрос.

– Да хоть десять...

– Что у вас произошло с Виором?

– А, вот ты о чем, – разочарованно протянула она.

– Пока меня интересует только это, – твердо сказал Владислав, подходя к широкому окну иллюминатора, за которым расстилалась бескрайняя тьма космоса со всеми ее многочисленными галактиками, созвездиями, мирами и, конечно же, тайнами. Тайнами, существовавшими вечно.

Космос... Он всегда пленял людей, манил их своими неизведанными глубинами и далями, порой жестоко и коварно расправляясь с первопроходцами, бесстрашно штурмующими эту огромную звездную бездну. Жажда открытий переполняла сердца смельчаков, жажда познаний владела их разумом, ведя вперед и бросая на безрассудные поступки, конец у которых был один – смерть. Смерть... Как страшно, наверное, умереть в расцвете сил, когда полон энергии и молодого задора, когда в тебе бурно кипит жизнь и ты абсолютно не думаешь

о почтенной заслуженной старости, страшно споткнуться на полпути, не дойдя всего каких-то пары шагов до своей заветной цели. А они спотыкались, пропадали без вести, гибли... Летели дни, месяцы, годы, века, тысячелетия, но никто и ничто не могло остановить безумцев, которые предпочитали ослепительно вспыхнуть, – всего лишь на миг, короткий единственный миг, – а затем погаснуть, успев зажечь своей идеей других. «Звезды не умирают, – говорят люди, – они вечны»... Правда ли это? Наверное, да...

Кари подошла к брату и ласково дотронулась до его плеча:

– Ты о чем-то задумался?

Тот, слегка вздрогнув, круто повернулся:

– Ты не ответила на мой вопрос... Хотя можешь и не отвечать. Виор мне все равно уже все рассказал...

– Кто бы сомневался! – с возмущением воскликнула она. – Что-что, а преподнести историю в нужном именно ему свете Кирилов умеет и делает это просто бесподобно.

– Но ты, если хочешь, можешь изложить собственную версию происшедшего.

– Происшедшего? А не слишком ли громко сказано? Дело выведенного яйца не стоит! Посуди сам, я просто зашла в отсек управления...

– А что ты там забыла? – грубо оборвал ее Владислав, сверля взглядом и гипнотизируя, точно удав.

– Да ничего не забыла... – пожав плечами, начала она.

– То есть ты пошла туда от нечего делать, – вновь не дослушав ее, уточнил брат.

– Допустим, – замялась Кари. – Не все же мне сидеть в лаборатории?

– Ну конечно, – с издевкой согласился он. – И что было дальше?

– Там находился только Виор, как позже выяснилось, подменился с Акелсом. Он посоветовал мне уйти и не мешать ему работать. Влад, поверь, я бы и сама там надолго не задержалась. Но Кирилов дал мне однозначно понять, что я самый бесполезный человек на борту нашего звездолета и в полете оказалась только благодаря тебе.

– В чем, в чем, а в этом он всецело прав, – недовольно поморщился капитан.

– То есть ты тоже так считаешь?! Но ты ведь прекрасно знаешь, что Огюст Алабьев, этот удивительный человек и выдающийся биолог межгалактического уровня, выбрал меня в качестве своего ассистента для прохождения практики на орбиталке Каскары, где он живет и работает в течение последних нескольких лет!

– Кари, об этом уже знаю не только я, но и весь наш экипаж. А еще мы с тобой прекрасно знаем, что в качестве своего ассистента Огюст Алабьев пригласил Окинаву, и если бы не ее непреодолимые обстоятельства, то сейчас на борту «Волны-6» была бы она, а не ты!

– Но Алабьев согласился на замену!

– А что ему оставалось делать? Бесхитростная Окинава предложила тебя, свою лучшую подругу!

– Он мог взять в ученики кого-нибудь другого!

– За несколько часов перед стартом?! Я не думаю, что у такого маститого ученого было время заниматься конкурсным отбором всех кандидатов, желающих стать его практикантами, тем более сейчас, на заключительном этапе исследований по подготовке планеты для вступления ее в Звездный Альянс. А ты не забыла, как я упрасивал профессора Академии и магистра Совета Лон Тода взять тебя с собой в составе экспедиции, ведь Космический Совет по безопасности полетов категорически возражал?

– Я все помню, но такой шанс выпадает только раз в жизни!

– Именно поэтому ты здесь... Так что ты сказала Виору?

– Ничего особенного. Я просто заметила, что по древним поверьям: в процессе обучения на Дессе – планете желтой змеи, чем так кичится Виор, тебе дают не только колоссальные

знания, но и впрыскивают определенную порцию яда или подселяют в тебя драконианскую сущность...

– И ты считаешь это «ничего особенного»?! – Капитан нервно заходил из угла в угол. – А тебе не приходило в голову, что на звездолете в отсеке управления установлены бортовые самописцы, информация из которых поступает непосредственно в космоцентры? Да просочись твоя фраза в любое нечистоплотное, падкое до быстрых сенсаций СМИ и межпланетный... нет, хуже, межгалактический скандал обеспечен!

– Ой, Влад, ты как всегда все сильно преувеличиваешь, – протянула девушка, но уже без прежней уверенности в голосе.

– Я преувеличиваю?! Кари, пойми, ты сейчас не просто Кариленд Хьюз, путешествующая автостопом по просторам Вселенной в свое удовольствие. Тыходишь в состав крупной межгалактической экспедиции и являешься представителем не только планеты Земля, но и галактики Млечного Пути, а значит, отныне ты должна особенно тщательно взвешивать все свои поступки и уж тем более слова! Кому, как ни тебе, будущему биологу, должно быть хорошо известно, что дракки, несмотря на свою грозную внешность, по своей природе очень чувствительны и обидчивы. И вот такие «невинные», на первый взгляд, фразы, затрагивающие их менталитет, уже не раз приводили наши планеты в состояние серьезной конфронтации...

В каюте повисла гнетущая тишина.

– И что мне теперь делать? – растерянно спросила девушка, начиная только сейчас в полной мере осознавать содеянное.

– Что делать, я тебе только что объяснил: на будущее сначала думать, потом говорить, то есть полностью исключить повторение аналогичных ситуаций, это во-первых.

– Хорошо, я обещаю, такое больше не повторится, а...

– А во-вторых, я посоветую тебе не относиться к людям слишком предвзято. Виор ведь все рассказал мне не для того, чтобы лишний раз подставить тебя, а наоборот, пока еще не поздно, поправить ситуацию.

– Интересно, каким образом?

– Путем корректировки бортовых самописцев.

Кари недоверчиво посмотрела на брата:

– Но разве такое возможно?

– В некоторых случаях да. Капитан имеет право принять подобное решение при условии, что информация еще не поступила в космоцентр.

– Странно, я всегда думала, что бортовые самописцы работают с космоцентрами в режиме онлайн.

– Если полет проходит в штатном режиме, то такой необходимости в этом нет, забор информации осуществляется автоматически через определенные интервалы времени, а также перед гиперскачком и после приземления.

– Но ведь бортовые самописцы – это своего рода черные ящики корабля. А если капитан ошибается и своим решением возьмет и аннулирует важную информацию? Я не имею в виду этот случай...

– Не все так просто, сестренка. Как я тебе уже сказал, такого рода решения принимаются только в исключительных случаях. Кроме того, во избежание всяческих ошибок или умышленного сокрытия данных код доступа разделен на три ключа: один, постоянно меняющийся, находится у дежурного в отсеке управления, два основных – у капитана и его помощника. Поэтому скорректировать самописец без обоюдного согласия этих ребят в принципе невозможно, но если никто из них не возражает, капитан подтверждает действие.

– Ты сказал «у помощника»? Значит, Лиар тоже в курсе? – ужаснулась девушка.

– Безусловно... Он очень хороший друг.

– Да, я знаю... Это все? Я могу идти? – вполголоса спросила она Владислава.

– Можешь, но только не забывай – ты мне обещала.

– Не беспокойся, я даже поблагодарю Виора, – клятвенно заверила его Кари, направляясь к выходу.

– Подожди, – вдруг кое-что вспомнив, окликнул ее капитан. – А с Ведой чего вы не поделили? Я смотрю, между вами просто холодная война.

Девушка стремительно обернулась:

– Неужели еще один замечательный человек тоже все тебе рассказал, желая поправить ситуацию? – язвительно, с вызовом, поинтересовалась она.

– Нет, Веда мне ничего не рассказывала, но я сам неоднократно видел, как ты провоцируешь ее. Глоувес, между прочим, очень квалифицированный и грамотный специалист, в своей области ей нет равных. У нее не только аналитический склад ума, но и чересчур развитая интуиция. Ее очень ценят в Академии и...

– Влад, я ничего не имею против нее как специалиста, возможно, она действительно прекрасный астрохимик, но как человек...

– А что тебя в ней не устраивает как в человеке?! – Впервые в жизни корректный и тактичный Владислав был не на шутку взбешен.

Кари подавила непрошенную улыбку:

– Ты советуешься со мной или пытаешься заранее опровергнуть?

– Я не согласен с тобой, – уже более сдержанно ответил тот.

– Конечно, ведь тебе она нравится, как, впрочем, и другим ребятам тоже. Поэтому ты видишь в ней только то, что хочешь видеть, иначе говоря, ты просто идеализируешь придуманный образ. Но на мой взгляд, Веда слишком заносчива, эгоцентрична и эгоистична. Помнишь старую сказку про Царевну Несмеяну?

– Нет, Кари, никаких сказок, ни старых, ни новых, я не помню, все они остались в детстве, да и тебе пора бы уже повзрослеть... В общем, я тебя понял и хочу, чтобы ты тоже поняла: здесь корабль, я его капитан, все остальные, в том числе и ты, члены экипажа. А что такое экипаж, я думаю, не мне тебе объяснять – это единая команда, поэтому свое собственное мнение, я прошу, вернее, нет, я приказываю оставить при себе на время полета. В противном случае я буду вынужден изолировать тебя путем погружения в глубокий анабиоз до возвращения на Землю!

– Ты, наверное, хотел сказать до стыковки с орбиталкой? – поправила его девушка.

– Нет, Кари, именно до возвращения на Землю!

– Но ты ведь никогда не сделаешь этого! Не посмеешь! – вне себя от возмущения почти что выкрикнула она.

Взгляд Владислава не сулил ничего доброго.

– Итак, что ты выбираешь?! – не обращая внимания на ее эмоции, жестко уточнил он.

– Я выбираю полет! – поспешно сдалась Кари, на всякий случай скрестив за спиной указательный и средний пальцы.

* * *

Краз одним ударом вышиб бластер из рук Фомальгаута. Едва владея собой, тот мгновенно обернулся. Казалось, еще немного, и они схлестнутся в клочающем приступе бешеной ярости. Однако, наткнувшись на его спокойный уверенный взгляд, Фомальгаут остыл, погасив гнев в глубине своей черствой души, если ее еще можно было назвать душой, и, недоуменно посмотрев на друга, отошел в сторону.

– Ты думаешь о том же, о чем и я? – спросил Толиман, подходя ближе и пристально разглядывая мальчика, забившегося в угол холодных металлических стен.

– Наверно, – ответил Краз. – Если, конечно, нам еще дороги наши шкуры...

ГЛАВА 3. НАВСТРЕЧУ СОЛНЦУ

Веду, как и предполагал, Лиар застал в экспресс-лаборатории. Она сидела, прильнув к экрану квазимолекулярного спектрографа, и внимательно рассматривала только что полученные результаты. В выдвижной нише стола крепились десятки пробирок из невесомого кварцеполярного стекла с последними образцами.

Глоувес любила свою работу и уходила в нее с головой. Колдуя над очередной химической реакцией в области ультра- и гамма-излучений, она не замечала никого и ничего вокруг, время словно замирало для нее, равно как застывала и жизнь, кипевшая рядом. Ровный голубоватый свет, струясь, окутывал ее плечи, золотистые волосы, ложился на руки, лицо, придавая им еще большую холодность и неестественную прозрачность. Веда казалась вылепленной из кристально чистого льда и была по-волшебному прекрасна и совершенна. Снегурочка, нет, настоящая Снежная королева, фея, чудом оказавшаяся здесь в динамичном веке межгалактического космоса и сменившая свой роскошный сказочный наряд на обыкновенный комбинезон звездолетчика.

В этот момент Веда, слегка нахмурившись, оторвалась от экрана и потянулась за очередной пробиркой. Скорее почувствовав, нежели уловив движение, она обернулась и только теперь заметила Коугенса, небрежно прислонившегося к стене и не спускавшего с нее зачарованных глаз.

– Давно ты здесь? – строго спросила его астрохимик, передумав брать образец.

Лиар нехотя отделился от стены:

– Да нет, всего пару минут.

– Я даже не видела, когда ты вошел, мог бы окликнуть.

– Конечно, мог, но не хотелось тебе мешать, ты была так увлечена... Что-то не так? – кивнул он на отложенный экземпляр, подходя поближе.

– Пока не знаю, – пожала плечами Глоувес. – Вроде все как обычно, все показатели в норме. На всякий случай я еще раз перепроверила образцы почвы, воды, воздуха – критических отклонений нет, но надо будет повнимательнее взглянуть на месте.

– Тебя что-то смущает?

– Мне не нравится бета-нейтрино темной материи планеты или, иначе говоря, энергоинформационные ячейки ноосферы Каскары. Они остались прежними, такими же, как и полгода назад.

– А чем это поясняет Сibuшинская?

– Мариша? Ничем. По ее словам, вся причина кроется в обычном человеческом факторе. При укладке контейнера возникла путаница с образцами, и вместо нового забора на Землю был отправлен старый, полугодичной давности. Я, конечно, допускаю такую вероятность – все мы живые люди, и никто из нас не застрахован от ошибок, но, по мне, лучше, если бы ошиблись в чем-то другом, например, пробах воды или почвы. Ведь поле событий планеты является одним из важнейших критериев в оценке состояния исследуемого объекта и синхронизирующим звеном для всех остальных параметров.

– Но в таком случае Сibuшинская должна была сама незамедлительно развернуть спектрограмму и направить тебе уже готовые результаты. Если честно, я сильно удивлен, почему она до сих пор не сделала этого.

– Мариша именно так и поступила, – слегка раздраженно отмахнулась Веда. – Узнав о допущенной ею ошибке, Сibuшинская сразу же передала мне все недостающие результаты. Они идеальны, Лиар, и при наложении на другие параметры октаэдр кристалла, лежащего в основе, сохраняется полностью. Поле событий тоже не нарушено... Но, тем не менее, я хочу все проверить сама.

– Почему? Или ты сомневаешься в компетенции Сibuшинской?

– Нет, что ты. Просто, понимаешь, я слишком давно ее знаю – мы вместе работали над такими громкими проектами, как «Акилон», «Мазилег». Мариша очень скрупулезный

и аккуратный до педантичности человек. К тому же она всегда очень ответственно подходит к забору любой мало-мальски важной информации. А здесь вдруг такой нелепый промах, да еще на заключительном этапе.

– На заключительном этапе чаще всего сказывается усталость, напряжение и абсолютно нормальное стремление побыстрее все завершить. Поэтому зря не переживай, по-моему, у нас именно тот случай, и ты скоро сама в этом убедишься, – попытался успокоить ее Коугенс.

– Да, конечно, – скорее машинально, нежели осознанно подтвердила Глоувес и задумчиво произнесла: – А еще Сибушинская почему-то отказалась от искусственного модулятора голоса.

Лиар с недоумением посмотрел на нее. Поймав его взгляд, Веда тут же пояснила:

– Видишь ли, у Мариши ярко выраженный гипертрофированный слух, она чересчур чувствительна к любому отклонению в тембре голоса. Собственный ее не устраивал еще со школы, она, сколько я ее знаю, всегда считала его до безобразия писклявым.

– Это на самом деле так?

– Нет, не совсем... Ну, неважно, люди ведь все разные, особенно мы, женщины, кому-то не нравится внешность, кому-то голос. В общем, Мариша уже очень давно пользуется модулятором, и низкий грудной контральто стал для нее практически родным, а сейчас, что странно, вновь вернулась к своему изначальному скрипу тихой мышки, как она сама его называет. На мой вопрос «почему?» ничего вразумительного не сказала...

– Может, она просто повзрослела?

– Да, может... Хотя... Если человеческий организм поражен каким-либо чужеродным ему вирусом, одним из первых симптомов является отторжение всего искусственного, с дальнейшей мутацией.

– Подожди, Веда, но разве на орбиталке кто-то болен? Насколько мне известно, в исследовательских городах введена ежедневная биометрическая экспертиза всех проживающих, данные от которой поступают непосредственно в Центр космодинамики, планетологии и мониторинга информации при Академии Космических Исследований. Ты разговаривала с Дэнисом Ковалевым?

– Ну, разумеется, я первым делом связалась с ним. К счастью, у всех все оказалось в норме и стабильно.

– Вот видишь. Тогда о каких вирусах ты говоришь?

– Во-первых, Лиар, как ты сам заметил, в Центр поступают уже обработанные данные, а не сами анализы. А во-вторых, не забывай, чужеродные микроорганизмы всегда плохо изучены и очень изобретательны. Вспомни Калейдоскану...

– Система бета Волопаса? Планета-мутант?

– Да, именно ее я и имела в виду. Планета, которая периодически меняет белково-нуклеиновую форму жизни на кадми-ридиевую, превращая всех своих обитателей в жутких монстров. Причина подобных мутаций весьма банальна – вирус, активизирующийся при определенном положении Калейдосканы по отношению к Неккару. В такую конфигурацию планеты данной системы выстраиваются всего лишь один раз в пять тысяч лет. Вроде бы ничего особенного, но посмотри, какие последствия для цивилизации несет этот парад планет, кто бы мог представить...

– Да, действительно, мы тогда многого не знали, ведь, если я не ошибаюсь, мы только-только начинали готовить планету ко вступлению в Звездный Альянс, на орбите даже города еще не было, одна передвижная станция...

– Наверное, хорошо, что люди не успели выстроить город – жертв было бы намного больше, – категорично перебила его Глоувес. – А вообще, если честно, нам просто крупно повезло: мы затеяли исследования на стыке эпох и стали невольными свидетелями злополучного перехода... Но что самое интересное во всей этой истории – биометрия экипажа станции, передаваемая в Центр, всегда была в норме. Первым, кто заподозрил неладное, стал обычный

пилот грузового корабля Кай Цин. Это именно он направил реальные результаты образцов уже мутирующей ДНК сотрудников станции и обитателей Калейдосканы на Дессу. А получив шокирующее заключение экспертов, принял вместе со своим экипажем трудное и небывалое по тем временам решение об уничтожении зараженной орбиталки и самоуничтожении. Правда, некоторые современные ученые до сих пор сомневаются в необходимости и целесообразности совершенных тогда действий, есть даже и такие, кто вообще упрекают Кай Цина в неоправданной жестокости.

– Но ты, как я понял, не относишься к их числу?

– Кадми-ридиевая форма жизни – это почти антиматерия, – вместо ответа заметила Веда, поправляя выбившийся локон. – И потом, рассуждать спустя несколько веков всегда легче, чем действовать без промедления в экстремальной ситуации. Ты представляешь, что могло бы произойти с нашими планетами, вернись эти уже обратившиеся сущности домой?

– Но их можно было бы попытаться изолировать...

– Не зная полностью на тот момент механизма распространения и избирательности вируса, это было бы крайне рискованно. И заметь, речь шла не о риске для отдельных индивидуумов, а вообще для нашей цивилизации. Неужели ты поступил бы иначе?

Коугенс на минуту задумался, он не хотел ни отрицать, ни тем более соглашаться с ней, а поэтому ответил чересчур уклончиво:

– Я надеюсь, на Каскаре нам не придется выбирать между долгом и жизнью экипажа.

– Я тоже на это надеюсь. – Веда была серьезна как никогда. – И уж если мы с тобой затронули эту тему... Лиар, ты ведь, наверное, в курсе, что Космический Совет по безопасности полетов дал мне неограниченные полномочия в некоторых вопросах, касающихся биозащиты?

– Да, меня предупредили на этот счет.

– Так вот, во избежание всяких непредвиденных ситуаций я буду предлагать удаленную высадку. Экипаж останется на звездолете, а на орбиталку отправимся мы с Юрием. Если результаты биометрии и ряда ДНК-тестов всех присутствующих покажут норму, Владислав завершит стыковку и остальные присоединятся к нам. В противном случае...

– В противном случае «Волна-6» передаст информацию в Космоцентр и вернется на Землю без вас, так?

– Да, – коротко, но решительно кивнула она.

– Ты уже говорила об этом с нашим капитаном? – пристально посмотрел на нее Лиар.

– Пока еще нет, но я не сомневаюсь, что Влад поддержит меня. К тому же и ты поможешь мне его убедить.

– Постараюсь, правда, взамен два условия, первое: на орбиталку я пойду вместе с вами.

Услышав про условия, Веда слегка нахмурилась, но когда поняла, в чем дело, сменила гнев на милость:

– Хорошо, – на редкость быстро согласилась она. – Тем более, я и сама хотела попросить тебя об этом. В стыковочном лифте всегда присутствует закрытая зона, при попадании в которую ты на несколько секунд исчезаешь с мониторов корабля. Поэтому, если вдруг произойдет нештатная ситуация, то, скорей всего, именно в тот момент и именно в том коридоре. Проходить его будем по одному, ты пойдешь последним, когда мы уже практически выйдем оттуда. И запомни: за эти несколько секунд ты ни на мгновение не должен будешь выпускать нас из виду, а при малейшем подозрении – тут же, без промедления, заблокировать шлюз и сообщить капитану. Конечно, нашу охрану можно поручить и Игнатову, но мне кажется, что в этой области Юра, по своему складу характера, больше теоретик, чем практик.

– Я тоже так думаю, – поддержал ее Лиар и скептически усмехнулся, представив на своем месте довольно медлительного и слегка нескладного вирусолога.

– Итак, с твоим первым условием мы вроде бы разобрались, – словно прочитав его мысли, улыбнулась в ответ Глоувес. – А в чем заключается второе?

Коугенс сразу посерьезнел:

– Веда, мне прекрасно известно, что подобные экспедиции никогда не обходятся без биолога, но в нашем конкретном случае я просто настаиваю: Кари должна остаться на звездолете.

Теперь уже скептически усмехнулась Веда.

– Ну, по этому поводу можешь даже не беспокоиться. Я, как и ты, не считаю Кариленд Хьюз биологом, – призналась ему Глоувес. – Нет, я не спорю, она им, безусловно, станет, но только через несколько лет. А пока Кари для меня обыкновенный пассажир звездолета, и в экспедиции ей не место. Я не могу рисковать ее жизнью и, соответственно, нашими. Кари однозначно останется на корабле... А ты, я смотрю, действительно неравнодушен к ней.

– Я слишком давно знаю Кари, она очень дорога мне. Милый, непосредственный ребенок...

– Милые девочки имеют обыкновение вырастать и превращаться в очаровательных женщин...

– Конечно, рано или поздно она повзрослеет, – начал Лиар, но, встретившись взглядом с Ведой, тут же поправился:

– Да нет, я не в том смысле. Кари дорога мне как младшая сестра, которой у меня нет и никогда не было.

– Но зато у нее уже есть старший брат. И вдобавок ты ей очень нравишься. Ты знаешь, она даже ревнует тебя ко мне. Не забывай, первая влюбленность – прекрасное светлое чувство, которое может перерасти в более серьезные отношения.

– А может причинить боль и ранить на всю жизнь. Я не хочу причинять ей боль... И вообще, если честно, я безумно рад, что наши с тобой мнения снова совпали. Ты не заметила, – неожиданно обратился он к ней, – мы ведь с тобой очень похожи и практически одинаково смотрим на мир, может, это что-нибудь да значит?

– Согласно данным астрополярной биометрии и углубленного спектромолекулярного анализа, мы с тобой по всем параметрам составляем идеальную пару или, вернее, могли бы составить, – сдержанно-заученным тоном сообщила Веда.

– Почему могли бы? – Коугенс нежно взял ее за руку. – Разве нам что-то мешает?

Руку она не отняла, но посмотрела на него так, что Лиар сам непроизвольно выпустил ее.

– Если бы мы встретились с тобой полгода назад, нам вряд ли бы что-нибудь помешало, – чересчур спокойно сказала Глоувес. – Но теперь все изменилось. В моей жизни появился другой человек, и свое настоящее воплощение я пройду вместе с ним.

Слова острым лезвием полоснули душу. Лиар немного побледнел, но не подал вида:

– И вы с ним, конечно, тоже идеальная пара, согласно астрополярной биометрии? – горько сыронизировал он.

– Не знаю, мы с ним совершенно разные, скорей всего, нет... Если честно, я не проверяла, но это, наверное, и не важно, когда любишь друг друга. А я люблю его, очень...

– Странно, но ты никогда ничего не рассказывала о нем.

– А ты меня никогда и не спрашивал.

– И кто он? Звездолетчик или один из тех, кого ты так часто называешь теоретиками?

– Разве это имеет какое-нибудь значение?.. – сухо ответила Веда. – Лиар, а ты заходил ко мне по делу или..?

– Да нет, просто шел мимо, но... Ладно, я все понял и уже ухожу...

– Да ничего ты не понял, – вслух подумала она, оставшись одна, – и вряд ли поймешь, но это, конечно, и к лучшему. Как трудно, а порой совсем невозможно любить клерманта или, иными словами, первопроходца. Того, кто, путешествуя по Вселенной, полагается только на данные, полученные с искусственных спутников и свои навигационные приборы. Того, кто, рискуя собой, совершает десантные броски в неизведанные ранее миры и прокладывает марш-

руты для идущих за ним звездолетчиков. Космический странник, отверженный своей планетой на несколько десятков или сотен лет, а в большинстве случаев и на всю оставшуюся жизнь.

...Они стояли в лучах восходящего Солнца, сиреневатый отблеск зари ложился на плечи, руки, молодые загорелые лица, придавая им неповторимый оливково-медный окрас. Легкий теплый ветерок игриво трепал волосы и концы накидок, небрежно наброшенных поверх коротких туник. Темно-изумрудные волны безбрежного океана пенными барашками набегали друг на друга, рассыпаясь белыми солеными брызгами у их ног. Солнцедяр нехотя разжал объятия, отступил на шаг и еще раз, не мигая, посмотрел на Веду. Казалось, он пытался запомнить ее такой на всю оставшуюся жизнь, навек сохранив в душе милые сердцу черты. Это было просто невыносимо. Веда повернулась и не спеша пошла вдоль берега, оставляя на рыжевatom влажном песке маленькие следы босых ног, которые тут же смывались непослушной волной. Глоувес ни разу не оглянулась и все же знала, что Солнцедяр идет рядом, она сердцем чувствовала его бесшумную уверенную походку. Ощувив на своем плече его сильную руку, Веда лишь доверчиво прижалась к нему, не говоря ни слова. Да и не надо было никаких слов...

Туклоидес замедлил шаг, потом, резко тряхнув черными, как смоль, волосами, остановился и остановил ее.

– Когда ты улетаешь? – тихо спросила она и услышала то, что так боялась услышать.

– Завтра, – выдохнул Солнцедяр.

– Уже? Но почему? Почему так рано?

– Буквально на днях получены окончательные подтверждения о зарождении белково-нуклеиновой формы жизни на одной из пятнадцати планет системы альфа-звезды созвездия Змееносца. Однако участвовавшие в последнее время вспышки сверхновой могут крайне негативно сказаться на ее развитии. Нам необходимо как можно скорее развернуть защитный экран и начать подготовку к последующей корректировке орбиты.

– А я, как же я?! – в отчаянье вырвалось у нее.

Солнцедяр резко вскинул голову:

– К чему опять этот вопрос? Мы ведь уже столько раз обсуждали его с тобой. Пойми, Веда, Космический Совет прав, категорично возражая против твоего досрочного выхода из проекта «Каскара». Ты обязательно должна его закончить, тем более, осталось совсем чуть-чуть... Я тоже не вправе больше задерживаться здесь, и если с орбитой планеты еще можно немного повременить, то с куполом уже медлить нельзя ни в коем случае.

– Солнцедяр, я все прекрасно понимаю, но я понимаю это умом, не сердцем... Мое сердце почему-то просто кричит от боли и безысходности, я не хочу расставаться с тобой. Я знаю, что всего через каких-то пару месяцев я подготовлю для Академии все необходимые рекомендации и объективные заключения по поводу вступления Каскары в Звездный Альянс и выйду в отставку. Полет на Каскару – это мой последний полет и мой последний проект в данном статусе...

– Вот видишь, ты даже соскучиться по мне не успеешь. А мы с ребятами за эти пару месяцев проложим самый кратчайший и безопасный маршрут и попытаемся разобраться с куполом. После чего я вернусь на дальние рубежи, на Тивелию, где и дождусь тебя с транспортным кораблем. Смотри-ка, – вдруг сказал Солнцедяр, присев на корточки и доставая что-то из воды. Набежавшая волна, хранительница дара морей, шаловливо ударила его по руке. Туклоидес выпрямился, протягивая Веде свою большую и твердую ладонь, на которой лежал прозрачно-бирюзовый, как само море, камушек. Солнечные лучи, едва коснувшись его поверхности, заиграли радужными бликами всех цветов и оттенков.

– Что ты в нем нашел? – удивилась Глоувес, откровенно не понимая, как можно в такой неподходящий момент восхищаться каким-то камнем. Тем более таких опалов здесь полным полно, встречаются почти на каждом шагу.

– Смотри, как сверкает, – наклонился к ней Солнцедяр.

– Ничего особенного, обычный эффект опалесценции...
– А древние верили, что он притягивает любовь и удачу...
– Если ты имеешь в виду землян, то им всегда было свойственно заблуждаться.
– Эх ты, мой неисправимый скептик. На, держи. Может, иногда среди далеких звезд, в минуты, когда на душе особенно темно и сыро, ты, взглянув на него, вспомнишь меня и это чудесное солнечное утро...

...Волны по-прежнему набегали друг на друга, а затем, ударившись о берег, с тихим всплеском откатывались назад. Молодые люди, взявшись за руки, не спеша уходили туда, где в голубовато-сиреновом ореоле вставало Солнце и зарождался новый день...

Полюбовавшись еще немного теплым переливчатым сиянием маленького солнышка, Веда аккуратно положила опал в нагрудный карман комбинезона и вернулась к своей работе.

* * *

На сухой, потрескавшейся от невыносимого пекла земле, рядом с обуглившимися деревьями, лежал сильно обросший волосами человек в грязной набедренной повязке. Невдалеке от него валялось острое длинное копьё и освежеванная туша сакланды. Человек был еще жив. Прерывисто дыша, он с трудом открыл точно налитые свинцом глаза. И тотчас из его горла вырвался дикий хрип ужаса. Прямо перед ним, всего в каких-то двух или трех шагах, стояло неизвестное существо маленького роста с гладкой черной кожей и выпиравшим из груди рубиновым сердцем. Вместо головы у пришельца был странный шар, такой же черный и блестящий, правда только сзади, спереди кожа, наверное, облезла, сделав его абсолютно прозрачным. Большие, широко поставленные глаза внимательно смотрели на человека, и в них, кроме испуга, то и дело вспыхивали злые зеленоватые огоньки ненависти.

Необычное существо, заметив слабое дыхание чудом спасшегося жителя, вдруг торопливо подбежало к нему. Тот попытался отползти, но тело совершенно не слушалось. Тогда, лихорадочно нащупав рукой спасительное древко копья, он сжал его слабеющими пальцами. Пришелец, не подозревая об опасности, доверчиво склонился к нему. А человек, почувствовав необычайную радость мести и торжество победителя над тем, кто принес смерть на эту маленькую планету его собратьям, из последних сил метнул в ненавистного незнакомца свое оружие.

Словно тень, существо отпрянуло в сторону, и в то же время из его ладошки вырвалась ослепительная, как сам Альтаир, тонкая струйка света. Что-то горячее полоснуло грудь, обжигая тело... Оплавившийся, почерневший наконечник копья упал на дымившуюся землю рядом с догоравшими остатками деревьев...

ГЛАВА 4. ЛЕТУЧИЙ ГОЛЛАНДЕЦ

...Едва уловимым жестом фокусника Акелс перевернул кристалл. И комната отдыха вновь приобрела свои привычные очертания. Исчез сказочный зимний лес, а вместе с ним исчезли деревянная веранда и костер. Теплая одежда в мгновение ока сменилась привычными рабочими комбинезонами, а бревна-скамейки обернулись удобными мягкими креслами. Вот и все, словно ничего и не было, лишь в воздухе еще пару секунд витал приятный запах дымка, да на губах по-прежнему ощущалось терпкое послевкусие горячего чая.

Разгоряченные, разруганные с морозца ребята удивленно переглядывались и молчали, пытаясь своим обычным человеческим разумом постичь и осознать всю иллюзию немислимых превращений, которая творилась здесь в течение нескольких часов. А потом, вдруг разом стряхнув затянувшееся оцепенение, все шумно загалдели и принялись с жаром обсуждать происходившее с ними. Вспоминали со смехом, как они действительно играли в настоящие снежки и катались с крутых горок на лыжах, дурашливо валялись в сугробах, а потом грели у костра замерзшие руки и угощали друг друга хрустящими печеными тэвиниками. Кстати, печеными они оказались даже вкуснее. Эффект явно превзошел все ожидания. Акелса и Лане безоговорочно признали настоящими волшебниками и героями дня. Не обошли вниманием и автора нетривиальной идеи зимнего леса – Кариленд, чем привели ее в состояние легкого замеша-

тельства и искреннего смущения. Что-то, а воспринимать комплименты как должное девушка пока не умела и не очень-то к этому стремилась. Дискуссия о возможностях и дальнейших путях развития удивительного перспективного проекта под названием «условная реальность» была в самом разгаре, когда Владислав прервал ее, предложив экипажу перейти в отсек управления и подготовиться к гиперскачку.

Гиперскачок, как и предсказывал Ленцед, они прошли очень быстро, почти мгновенно. Кари перед этим страшно волновалась, просто места себе не находила. Каким-то непостижимым образом, то ли случайно, то ли нет, рядом с ней оказался Акелс и незаметно для всех ободряюще пожал ее маленькую узенькую ладошку.

– Смотри, юнлик, какая красотища, – заговорщицки шепнул он ей на ушко. – Где ты еще увидишь такое?

Звезды тем временем, сонно подмигнув, ослепительно вспыхнули, рассыпались феерическим веером и снова сошлись, как ни в чем не бывало.

– Наверное, ты прав, нигде и никогда, – так же тихо ответила девушка, заворожено глядя по сторонам, и наконец-то облегченно улыбнулась. Затем, что-то вспомнив, она покосилась краешком глаза на Лане, но тот, словно заколдованный, стоял в паре шагов от нее, прильнув к широкому окну иллюминатора.

– Ну вот и все, вроде бы прыгнули, – выдохнул Виор, убирая вакуумные ремни безопасности.

– Что значит «вроде»? В точное время, в назначенное место, попадание по системе координат сто процентов, – шутливо отпарировал Коугенс. – До Каскары теперь рукой подать, можно готовиться к высадке.

– Ну, к высадке готовиться пока рановато, – перебил его капитан, покидая рабочее кресло. – Ты как всегда чересчур торопишься, Лиар, и заодно торопишь других. Не говори гоп, пока не перепрыгнешь – слышал такую древнюю поговорку? Здесь я, конечно, не имею в виду наш гиперскачок, – поспешно поправился он, заметив легкие улыбки на лицах экипажа. – Ладно, ребята, этот этап пройден, а значит, можно вернуться к своим каждодневным обязанностям. Только прошу ни в коем случае не забывать и учитывать тот факт, что наш корабль еще пять – максимум восемь часов продолжит работать в локально-автономном режиме, то есть связи с Космоцентром и, соответственно, доступа к единой информационной базе пока не будет.

Кари недоуменно посмотрела по сторонам, но, похоже, заявление ее брата никого особо не удивило, не повергло в какой-либо шок, все согласились и привычно закивали ему в ответ.

– Почему так? – тихо спросила девушка, обращаясь к Лане, который тоже, как ни странно, не выглядел изумленным.

– При гиперскачке, когда мы сворачиваем и прошиваем пространство, происходит своеобразное частотное расщепление: капсула звездолета вместе со своим внутренним содержимым словно бы отделяется от наружных электромагнитных волн. На поиск и воссоединение требуется определенное время.

– То есть выходит, мы устремляемся вперед насквозь, а волны продолжают движение по прежней траектории? – уточнила Кари со своей точки зрения, так, как было понятно только ей.

– Да, что-то в этом роде, – быстренько согласился Молл, решив не углубляться в действующие законы квантовой астрофизики наряду с техническими подробностями.

Кари и не настаивала, ее вполне устроило полученное объяснение, вот только Влад, – тоже мне, хорош гусь! – мог бы и заранее предупредить. Она ведь так хотела поделиться переполнявшими ее эмоциями от пережитого и увиденного с Окиновой и Морицем. А теперь, выходит, придется ждать еще вон сколько, друзья, наверное, будут ужасно тревожиться... Лане же расценил ее затянувшееся молчание по-своему и попытался заверить, что в автоном-

ной работе звездолета нет ничего страшного. Тем более, что «Волна-6» является последним словом научно-технического прогресса и вполне совершенной замкнутой системой, оборудованной, пожалуй, всем необходимым для безопасной жизнедеятельности на несколько космических лет. Как будто Кари и сама этого не знала. Он бы еще и клермантов припомнил, которые как-то же обходятся без связи с внешним миром. И словно подслушав ее мысли, Лане действительно попытался заговорить о космических странниках.

Но в этот момент экран сфериза вспыхнул предупреждающе красным, и по всему периметру каюты резко замигало световое табло:

– Справа по борту звездолет класса АПН, серии три нуля восемь. Полная идентификация звездолета невозможна.

Ребята, собиравшиеся покинуть капитанский отсек, замерли на полпути.

– Что за... – чертыхнулся Лиар, а ровный бесстрастный голос тем временем продолжал:

– Звездолет просит стыковки, сигнал о помощи ровно устойчивый, расстояние...

– Да, расстояние действительно предельно мало и сокращается с каждой секундой...

– АПН – это же аварийно-поискового назначения, поисковик. Откуда он здесь взялся?

– Что будем делать, капитан?

– Подготовить транспортировочные лифты, – твердо, голосом, не терпящим возражений, сказал Владислав.

– Но мы не поставили в известность Космоцентр, – слегка колеблясь, напомнила Веда.

– Ты же прекрасно понимаешь, что сейчас это просто невозможно, поэтому будем действовать быстро и в соответствии со сложившейся ситуацией.

– Система не может идентифицировать данный корабль, его истории нет в нашей локальной базе!

– Полностью с тобой согласен, наша локальная база сильно ограничена, а доступ к общей пока отсутствует. Я не вижу достаточного основания бросить его здесь на произвол судьбы при постоянном сигнале о помощи, по-моему, это просто неэтично. Или у тебя другое мнение?

– Я этого не предлагала...

– Капитан, если я не ошибаюсь, это «Котан-534», – неожиданно вмешался Виор, не совсем вежливо потеснив остальных и пристально со всех сторон разглядывая приближающийся звездолет, спроецированный на экран сфериза. – Посмотрите сами, взять хотя бы вот этот двухступенчатый резонансный клапан под правым электромагнитным локатором. Подобная конфигурация впервые была применена именно на этой модели и одновременно испытана еще на нескольких кораблях другого класса, после чего практически сразу в конструкцию внесли ряд заметных изменений, правда, не столь существенных. Во время моей стажировки на Дессе я немного касался этого вопроса...

– Но «Котан-534» исчез пятнадцать земных лет назад!

– Да, я в курсе.

– Тогда тем более странно, что наша система не может его распознать, – не сдавалась Веда: – Пропаданцы всегда присутствуют в любой базе.

– И все же я уверен – перед нами звездолет Дессы, аварийно-поискового назначения, может быть, слегка модифицированный, но это точно он.

– Либо его чересчур детализированный аналог, что тоже не исключено, – предположил Акелс.

– А вот это мы сейчас и выясним. Повторяю еще раз: экипажу занять свои места, активировать поле захвата, запустить транспортировочные лифты, – сухо распорядился Владислав. – После прохождения Славутича Лиару, Виору и Юрию подготовиться к переходу на борт звездолета, старшим в группе назначаю Коугенса, обо всех возникающих на пути отклонениях, даже самых незначительных, докладывать незамедлительно...

Славутичем оказался маленький юркий робот-разведчик «СЛТ-15», тщательно и быстро просканировавший коридор и ряд помещений таинственного звездолета, ничего особенного при этом так и не обнаружив. Системы жизнеобеспечения корабля функционировали без сбоев, параметры всех известных излучений находились в пределах допустимой нормы. Правда, отсек управления был наглухо задраен, но Славутичу не составило большого труда его вскрыть, мгновенно подобрав коды доступа. Небольшое, но довольно просторное помещение, в котором тоже, как ни странно, все оказалось целым: пульт управления, три кресла, сфериз. Настораживало лишь одно – полное отсутствие экипажа. «Котан-534», как и предполагал Владислав, вот уже несколько дней шел в заданном автоматическом режиме.

– Когда-то очень давно, во времена околосреднего космоса, а может быть, и раньше, такие заброшенные корабли без людей назывались летучими голландцами, и встреча с ними не сулила ничего хорошего, – как бы между прочим заметил Отери.

– Только они бороздили моря и океаны, – поправил его Лане.

– Не вижу особой разницы, космос, по сути дела, тот же безбрежный океан.

– Не скажи, прыгнуть в воду в поисках спасения, по-моему, намного легче, чем выйти в открытый космос.

– А почему ты думаешь, что экипаж вышел именно в космос? Ведь на борту могла возникнуть нештатная ситуация, и их запросто мог эвакуировать другой звездолет, оказавшийся поблизости.

– Ну и куда же потом делся неведомый спаситель вместе со спасенными, почему Звездный Альянс до сих пор не в курсе и «Котан-534» по-прежнему числится в пропавших? И почему, если все действительно спаслись, кто-то оставил активным этот ровно-устойчивый сигнал SOS? Забыли сбросить или не было времени?

– Во-первых, помощь мог оказать чужой звездолет, не принадлежащий Звездному Альянсу, а во-вторых, мы же не знаем точно, «Котан» это или нет.

– Ребята, не спорьте, – перебила их Лито, – непроверенными остались еще капитанская каюта и экспресс-лаборатория, возможно, сейчас все и прояснится.

Но обзор экспресс-лаборатории не дал ничего нового, а вот попасть в загерметизированную изнутри каюту капитана «СЛТ-15» не удалось. Вернее, с кодами доступа Славутич вновь справился на ура, но дверь почему-то не поддавалась. Виор тщательно осмотрел ее и после нескольких неудачных попыток разблокировать замок не нашел ничего лучше, чем предложить взорвать не к месту возникшую преграду. На что Юрий ответил категорическим отказом, и Владислав, как ни странно, поддержал Игнатова. Применить «МВ-17» в данных условиях, учитывая скромный объем комнаты, было бы слишком рискованно – могли пострадать те, кто сейчас находился по ту сторону двери. А то, что там кто-то был, ребята уже не сомневались. В разгар бурного обсуждения как действовать в сложившейся ситуации, к разведгруппе подошел Лиар, который немного задержался в отсеке управления. Глядя на их удрученные лица, Коугенс, ни слова не говоря, провел рукой по обшивке с одновременным нажатием скрытой клавиши, и неприступная дверь, легко поддавшись, плавно приоткрылась:

– Все гениальное просто. Обычная механика, оказывается, кое-где еще встречается, – опережая посыпавшиеся вопросы, поделился своим секретом Лиар.

– Значит, звездолет все-таки не «Котан»?

– Значит, нет, хотя в основе явно использовался его проект, за исключением некоторых деталей.

Кирилов удивленно передернул плечами и шагнул вперед, собираясь войти внутрь, но Коугенс вдруг грубо оттолкнул его к стене:

– Приготовить бластеры, – неожиданно приказал он.

Кари непонимающе уставилась на Владислава:

– Зачем применять оружие, разве недостаточно парализатора?

Ответить капитан не успел.

– Предосторожность не помешает, – пояснил свое поведение Коугенс: – Всем прижаться к стене. Пустим вперед Славутича, следом войду я. Юрий и ты, Виор, будьте начеку. Если понадобится, отразите удар...

Но никакого удара отражать не пришлось. Распахнув дверь, они едва не споткнулись о бездыханное тело. Парень лежал ничком в нескольких шагах от входа, в перепачканном запекшейся кровью черном комбинезоне. Его правая рука все еще судорожно стискивала бесполезный теперь бластер, а темные кудри крупными кольцами спадали прямо на лицо, прикрывая глаза.

– Он жив, – произнес Игнатов, склонившись над ним со своим элескопом – уникальным прибором, напоминающим обычный стетоскоп, только с маленьким экраном, и позволяющим за считанные секунды получить развернутую биометрию пациента. – Правда, пульс слишком слабый, но есть. Сейчас я погружу его в переносную капсулу и срочно транспортирую в изолятор. Инфицирование отрицательно, дополнительные мутационные ДНК-тесты сделаю уже на месте...

...Переговорить наедине с капитаном Лиару удалось лишь после расстыковки звездолетов.

– Твое мнение? – не стал ходить вокруг да около Владислав, усаживаясь напротив.

– Не хочешь узнать, почему я задержался в отсеке управления? – вопросом на вопрос чересчур серьезно ответил Коугенс.

Тот неопределенно пожал плечами:

– Думаю, ты сам все расскажешь, мы ведь для этого и остались.

– Ты обратил внимание на россыпи тусклых сизых пятен по стене, на уровне чуть выше спинки кресел?

– Да я заметил, но, вероятней всего, это следы какого-то старого излучения...

– В том-то и дело, что не какого-то, а лазерного, умеренного действия, и не такого уж старого, недели не прошло. Я проверял. Но это еще не все. Данное излучение, как оказалось, дело рук человека, если его можно назвать человеком. Некто воспользовался бластером или чем-то подобным, уничтожив весь экипаж, причем напал, по-видимому, внезапно. Отсутствие аналогичных пятен на противоположной стене и двери явно доказывает: ответного удара не последовало.

– Нет, это немыслимо, – недоверчиво покачал головой капитан. – Ни одно разумное существо не поднимет руку на себе подобного. Я бы еще согласился с тобой, живи мы в эру околоземного космоса, но сейчас...

– Я тоже считаю произошедшее слишком невероятным и бессмысленно жестоким, но, тем не менее, вполне допускаю применение оружия против людей. Скорей всего, их полоснули крест-накрест, на уровне груди, – перебил его Коугенс. – Вот отсюда и вся моя дальнейшая осторожность. Я опасался, что сотворившие это, все еще находятся на борту найденного звездолета, а значит, над нами нависала реальная угроза разделить незавидную судьбу его экипажа.

– А тот незнакомец? Или он, по-твоему, вне подозрений?

– Этот парень наверняка единственный, кому повезло, и он просто защищался. Ведь если предположить, что экипаж уничтожил именно он, тогда зачем и от кого ему самому прятаться в капитанской каюте, и кто ранил его? По словам Юрия, раны особой опасности для жизни не представляют, внутренние органы не задеты, а отключение сознания произошло вследствие значительной потери крови и сильного ушиба теменно-височной области.

– Да, я в курсе.

– Прекрасно, значит, осталось потерпеть каких-то полчаса, и мы наконец-то узнаем всю правду о случившемся там.

– Возможно... Но не забывай, Лиар, правда у каждого своя, особенно при отсутствии черных ящиков.

– А разве у нас есть иные варианты? Ты же сам только что сказал – черные ящики на звездолете отсутствовали. Поэтому нам с тобой, Влад, придется опираться лишь на древнюю, как мир, логику и либо верить этому парню, либо нет.

– Что я и пытаюсь сейчас сделать. То есть твоя логика подсказывает: он – член исчезнувшего экипажа, и заметь, не экипажа Звездного Альянса, судя по цвету его комбинезона.

– Да, насчет цвета ты прав. У землян комбинезоны синие, у Дессы – желтые, марсиане предпочитают красные, все аварийщики и поисковики – оранжевые, клерманты – фиолетовые... Черные – у Цереры...

– Ну, на псоглавца он точно не похож, – сдержанно усмехнулся Владислав.

– Я не утверждаю, что он псоглавец, просто корабль мог принадлежать Церере, как наша «Волна-6» – Земле.

– Даже если это и так, то у Цереры комбинезоны хоть и черные, но с белой волной на груди.

– Ну да, действительно... Выходит, парень вообще из другой космосистемы? Странно, в целом данные его биометрии почти идентичны нашим, поражения мутационными вирусами отсутствуют... Биологический возраст порядка двадцати трех лет.

– Биологический возраст в таких вопросах не показатель, ведь мы не знаем, как давно он живет по космическим. Возможно, в пересчете на земные или иные планетарные года, он значительно старше.

– Согласен... Да еще эта непонятная вакуумная ампула, которую я нашел у него в комбинезоне. Кстати, что ты с ней сделал? Отдал Юрию на проверку?

– Нет, ее забрала Веда.

– Веда? – удивленно переспросил Лиар. – Неограниченные полномочия по биозащите в действии?

– Что-то в этом роде, – поморщился капитан. – Я, правда, попросил Веду пока не трогать ампулу, не вскрывать, а наоборот, обеспечить дополнительную изоляцию до выяснения. Возможно, по прибытии на орбиталку нам даже придется отправить ее контейнером в Космоцентр...

– Ты считаешь, в ней содержится что-то серьезное?

Владислав снова неопределенно пожал плечами:

– Не знаю, но судя по тому, какой оборот принимает это дело...

– Но тогда, может, было бы лучше оставить ее на «Котане»? Ведь все равно через каких-то пару часов мы сообщим в Космоцентр координаты брошенного на якорь звездолета...

– Теперь уже поздно что-либо менять, возвращаться не будем... – Подумав, капитан добавил: – Учитывая, что парень держал ампулу в нагрудном кармане, не все так страшно.

Экран сфериза мигнул обычным голубоватым свечением, и уже в который раз за сегодня сработала внутренняя связь:

– Влад, наш гость очнулся и очень хочет тебя видеть... Если не возражаешь, мы сейчас подойдем, – предупредил Юрий.

...Яркий свет капитанской каюты после мягкого полумрака изолятора больно ударил в глаза, заставляя незнакомца на какое-то мгновение прикрыть их рукой и позволяя тем самым как следует его рассмотреть. Рост выше среднего, слегка коренастая, но атлетически сложенная фигура, сильно развитые выступающие скулы, аккуратный рот с четко очерченными губами. По-видимому, упадок сил и большая кровопотеря все еще сказывались: смуглый от природы, парень был неестественно бледен и, казалось, едва держался на ногах.

– Кто вы? Откуда? – Цепкий пронзительный взгляд серых со странным стальным блеском глаз затравленно метнулся по сторонам и безошибочно замер на капитане.

– Мы представители Единого Межгалактического Содружества...

– Звездный Альянс?! Не может быть!.. Вот это удача! Неужели... – больше никого не слушая, словно боясь поверить в сказанное, воскликнул он в каком-то чересчур радостном смятении. И заметив, что его по-прежнему не понимают, сбивчиво пояснил: – Меня зовут Данияр, Данияр Орлов, я сын Светозара Орлова, капитана звездолета «Арлодон-105»...

В комнате сделалось по-настоящему тихо. Ребята недоуменно переглянулись.

– Но если мне не изменяет память, «Арлодон-105» покинул пределы Солнечной системы сто пятьдесят земных лет назад и пропал, – только и смог вымолвить Лиар. – Обычный полет, обычное транспортное судно.

– Сто пятьдесят два, – поправил его Юрий, отступив на шаг и еще раз внимательно, но теперь уже как-то по-иному вглядываясь в своего бывшего пациента.

– Что сто пятьдесят два? – не понял Коугенс.

– Сто пятьдесят два земных года назад. Но в остальном ты, безусловно, прав, ничего примечательного: обычный штатный полет – довести груз, забрать груз, если не считать того, что на борту корабля находился семилетний ребенок, сын капитана.

– Насколько я знаю, в те времена Космический Совет довольно лояльно относился к подобным путешествиям и в ряде случаев допускал присутствие на борту близких родственников членов экипажа, в том числе несовершеннолетних детей под личную ответственность родителя и капитана, – вмешался Владислав.

– Да, это не было запрещено как раз до того самого момента, пока бесследно не исчез «Арлодон-105». История с пропавшим мальчиком никого не оставила равнодушным и приобрела очень широкий резонанс общественности на всех планетах нашей космосистемы.

– Но как, каким образом ты оказался на «Котане-534»? Или это не «Котан»? Что случилось с вашим звездолетом, и где все остальные члены экипажа? – нетерпеливо перебил Игнатов капитан, жестом приглашая Данияра садиться.

– А ты неплохо сохранился для почти полуторавекового мужчины, – добавил Юрий.

– Я живу по космическим, – перевел дыхание Орлов, напряженно замирая в мягком кресле.

– Мы так и предполагали...

– Капитан, вот здесь, в нагрудном кармане, у меня была вакуумная ампула. Где она, что вы с ней сделали? – вдруг тревожно спохватился Данияр. – Поймите, ее надо срочно изолировать!

– Насчет изоляции я уже распорядился. Значит, она опасна? Что в ней?

– Да, она очень опасна, но только для носителей избирательного гена, на сегодня это N11000HYN, для всех остальных ее содержимое абсолютно безвредно.

– Ты не ответил, что в ней.

– В ней так называемый стеклянный вирус. Страшное, необратимое смертельное заболевание, способное за несколько часов после начала своего распространения уничтожить население целой планеты, но, повторяю еще раз, действует очень избирательно. Период активности – двое суток, после чего распадается на обычные элементарные частицы и исчезает практически бесследно... Ты же врач? – неожиданно обратился он к Юрию.

– Вирусолог, – уточнил тот.

– Тем лучше. Наша задача сейчас – как можно быстрее выяснить, сколько человек на борту звездолета являются обладателями данного гена.

– Один, – не задумываясь ответил Игнатов. – Насколько мне известно, носители данной модификации – в основном дракки и им подобные. Как правило, у жителей Марса и Земли она в геноме отсутствует.

– И кто же этот один? – заинтересовался Коугенс. – Разве среди нас есть представители Дессы? По-моему, на борту «Волны-6», кроме двух марсиан, меня и Веды, все остальные земляне? Или, может, ты имеешь в виду его? – кивнул Лиар на притихшего Орлова.

– Говоря о Марсе и Земле, я сказал «как правило». А в каждом правиле бывают свои исключения. Данияр здесь, конечно, ни при чем, в его геноме полностью отсутствует рептилоидное начало, иначе, я думаю, он бы просто побоялся держать так близко от себя эту адскую штуковину. Носителем избирательного гена N11000НҮН на борту нашего звездолета являюсь я, – признался Игнатов: – Мне он достался по линии моей прапрабабки. Дракков часто ошибочно считают гермафродитами, и в своем большинстве они действительно придерживаются этого, тем самым обеспечивая чистоту крови. На самом же деле дракки могут выбирать быть им двуполоыми или однополоыми, вступая в брак с представителями чужих рас.

– Странно, а я и не знал об этом... Внешне ты выглядишь как человек, – усомнился Владислав.

– Я и есть человек, землянин. От рептилоида у меня только несколько повышенное содержание меди в крови, что, безусловно, сказывается на отличной памяти и хорошо развитом боковом зрении – я подчас вижу то, чего не успевают заметить другие. Во всем остальном я такой же, как и вы.

– Нет, ты не такой! – возбужденно воскликнул Данияр. – Если нарушить герметичность ампулы, ты тут же погибнешь. Против этого вируса нет антидота.

– Не переживай, она надежно изолирована, – твердо заверил его капитан после того, как еще раз на всякий случай уточнил по внутренней связи у Веды, все ли та сделала правильно. Вместо ответа, чтобы не быть голословной, Глоувес показала им запечатанный контейнер.

– Но зачем, с какой целью? Кто придумал эту смертоносную игрушку? И где, в какой лаборатории ее произвели? – забросал его вопросами Лиар. – Почему она оказалась у тебя? Да, я, кажется, не ослышался, ты сказал «на сегодня». Значит, вчера или позавчера были другие избирательные гены?

Ребята пораженно замерли на полуслове, в ужасе уставившись на Орлова.

– Были, – уверенно кивнул тот.

– Подожди, – остановил его Владислав, кое-как пытаясь сохранить жалкие остатки своей непоколебимой логики и завидного спокойствия, – давай-ка, Данияр, не торопись и расскажи нам лучше по порядку, что произошло с тобой за эти сто пятьдесят два земных года.

– Может, сразу включим общую связь, чтобы потом не пересказывать дважды? – предложил Коугенс.

Сын Светозара Орлова хотел возразить, но капитан поддержал своего помощника:

– Согласен, мы – единая команда, а значит, экипаж должен быть в курсе, что происходит у нас на борту и за его пределами...

– Это был мой первый полет. «Арлодон-105» направлялся к спутнику планеты Уттиге системы эпсилон-звезды созвездия Эридан, где находилась древняя, как мир, забытая и столько раз восстановленная заново база землян. Проверенный, избитый временем маршрут, бывалые капитаны знали там каждый астероид, попадающийся на пути. Я давно хотел побывать на Уттиге, и на этот раз отец наконец-то решил взять меня с собой, ведь от спутника до планеты, что называется, рукой подать. Тем более, там недавно открыли для массового посещения старейший космодром, а в пещерах на полюсах кое-где еще сохранились говорящие скальные ледники. Наш корабль только что вышел из гиперскачка, отклонившись от заданного курса на те самые допустимые несколько парсек (это часто бывает с «транспортниками»), когда приборы вдруг показали в расширенной зоне приема присутствие еще одного звездолета. Он стремительно приближался, прося о помощи. Ни минуты не колеблясь, Светозар принял решение стыковаться.

Я был в отсеке управления, когда услышал в коридоре приглушенный вскрик Дами, нашего бортмеханика, и топот бегущих ног. Сам не зная почему, я инстинктивно спрятался за пульт, за которым, все еще ни о чем не подозревая, продолжал спокойно работать мой отец. Я хорошо помню, как внезапно на пороге каюты выросли трое в черных комбинезонах с бластерами в руках. Заподозрив неладное, отец наконец обернулся, но один из пришельцев опередил его. Обгорелый труп упал к моим ногам, рассыпавшись в прах. Я закричал от ужаса, напрочь забыв об осторожности и выскочив из своего укрытия. Меня определенно ждала бы та же участь, не вмешайся второй из них. Краз вышиб бластер из рук Фомальгаута. Нет, не подумайте, это не было жалостью к семилетнему насмерть перепуганному мальчишке, за всем этим стоял профессиональный расчет. Краз был врачом, таким же, как и ты, Юрий, вирусологом. И он уже тогда прекрасно понимал, что в будущем для его лаборатории может понадобиться не искусственно выращенный, а естественный человеческий материал, по всем параметрам биометрии абсолютно идентичный с ними. Тогда я показался ему идеальным образцом, и по его настойчивому требованию мне сохранили жизнь. Я не буду сейчас во всех подробностях расписывать вам, что мне довелось пережить за все эти годы. Это слишком долго и жестоко. Я не готов еще раз испытать весь тот ужас, заново окунувшись в море крови, насилия и убийств. Вам, наверное, покажется странным, но я до сих пор не знаю точно, кто они и откуда взялись. У них нет прошлого, нет Родины, они кочуют от планеты к планете, называя себя Дзерда-Круг или, проще говоря, пиратами. Даже имена заимствовали у звезд. Во главе всей армады стоит адмирал, некто Арктур. Безграничная, беспрекословная власть – единственное, что их интересует. Ради ее достижения они занимаются добычей ангельюка – металла, столь необходимого для жизни ильветов и мриков, как и золото для дракков. Ильветы – это жители планеты Ильв, одной из самых крупных технократических цивилизаций Млечного пути.

– Да, я слышал про нее, – сказал капитан, – но я также слышал, что ильветы держатся обособленно ото всех и не очень-то гостеприимны. Они выбрали для себя технократический путь развития и упорно идут по нему, не замечая никого и ничего вокруг.

– Ты прав, они просто помешаны на технике, но, тем не менее, им как воздух нужен ангельюк, которого уже давно нет на их родной планете. И ильветы охотно обменивают на него не только готовые звездолеты, но даже свои новейшие сверхсекретные разработки, которых нет еще ни у кого в наших мирах.

– С ильветами понятно, а кто такие мрики?

– Маленький полупрозрачный торговый народец из созвездия Гончих псов, которому тоже позарез необходим этот металл. Но если ильветы живут благодаря ангельюку, то мрики его просто продают, и продают самым банальным образом, выступая всего лишь в качестве посредников. Через них у Арктура заключен ряд важных контрактов на поставку ангельюка в другие космосистемы, что очень удобно. Таким образом, сам он до поры до времени остается в тени.

– А что он имеет взамен?

– Все что угодно: от обычных сенатских голосов в уже сложившихся аппаратах управления до целых планет с девственно чистой природой, райскими кущами и настоящими родниками вечной молодости и бессмертия.

– Чтобы потом на этих девственно чистых планетах начать усиленно вести грязные разработки по добыче того самого металла, ангельюка? – саркастически усмехнулся, Лиар.

– Нет, зачем же, те планеты Арктур бережет, их осталось очень мало, и они слишком дороги, практически бесценны. Ни для кого не секрет, что нарушая природный баланс в чем-то одном, ты волей-неволей запускаешь всю последующую цепочку необратимых изменений, рискуя при этом превратить некогда цветущий оазис в безжизненную пустыню. Адмирал тоже прекрасно это понимает. К чему такое бездумное расточительство, когда рядом с тобой во Вселенной существует сколько угодно чужих уже освоенных мест, о которых и жалеть-то потом

никому не придется. Не медли, захвати их – и искомый ангельук твой. А ты вдобавок получишь еще один шанс расширить границы своей незримой империи и стать для кого-то всемогущим богом.

– Ты говоришь чудовищные вещи! – не выдержал Отери.

– Согласен с тобой, но это не мои слова, это философия пиратов, это их образ жизни, – поправил его Данияр. – Это они, вопреки нормальным человеческим законам, нападают на звездолеты и захватывают планеты, истребляя под корень себе подобных. Причем делают это по-разному. Если цивилизация находится еще на уровне докосмической эры – полностью и безжалостно выжигают ее «огнем и мечом», а оставшихся в живых жителей добивают или отправляют в свои исследовательские центры. На уровне околоземного или ближайшего космоса – применяют тот самый стеклянный вирус с избирательными генами, при котором от человека остается только горстка стеклянной пыли. И нет ни трупов, ни зловония, ни горелой земли. По-прежнему функционируют все коммуникации, здания, сооружения, заводы, космодромы, не затронута ни фауна, ни флора. Все в целостности и сохранности – все, кроме людей... Я вижу, мои слова вас шокируют. Ну еще бы, вы ведь ни о чем не подозревали, как раньше ни о чем не подозревал и я. А знаете почему? Да потому, что все захваченные пиратами планеты никогда не входили в Звездный Альянс, многие из них даже до сих пор не известны вам.

– Как же ты выжил в таких нечеловеческих условиях, и как тебе вообще удалось бежать, если, конечно, это был побег, а не случайное стечение обстоятельств? – присоединилась к разговору Веда.

Орлов смерил ее внимательным взглядом:

– Мне кажется, побега без случайности не бывает, – честно признался он. – Первые месяцы Краз неустанно держал меня при себе, в своей лаборатории, тщательно исследуя мой геном и биометрию в целом. ДНК землян и ДНК пиратов почти идентичны, вполне вероятно, что у нас когда-то были общие предки. Но так как в ближайшем будущем Арктур не собирался нападать на планеты Звездного Альянса, а на горизонте уже маячили другие, более реальные и заманчивые перспективы, то интерес ко мне, как к подопытному образцу, быстро иссяк. И меня на время передали в качестве забавы, вроде некой живой игрушки, Антаресу, сыну пиратского адмирала. Мы с ним почти ровесники.

– У Арктура есть сын?

– Да, есть. Сущий дьявол. Смелый до безрассудства и такой же жестокий и беспринципный во всем, как и его отец. Хотя нет, я не прав, Арктур еще может пощадить, Антарес же – никогда. Он оттачивал на мне адаптацию организма к различным условиям окружающей среды, благодаря чему я прошел отличную школу выживания в самых немыслимых ситуациях, как в космосе, так и на планетах, не приспособленных под нас. Кислотные дожди, метановые озера, ферритовые антигравитационные поля, мгновенные перепады температур от двухсот до минус двухсот градусов по Цельсию, про перегрузки я уже вообще молчу... Все изменилось для меня, когда пираты приобрели заветный штамм стеклянной болезни.

Вместо Краза, который к тому времени погиб, – не вернулся из очередного полета, – лабораторию возглавил умный и до сумасшествия одержимый его идеей избирательного гена Регул. Но прежде чем приступить к массовому уничтожению вирусом людей, надо было обезопасить от инфицирования себя. Усовершенствовав данный штамм на искусственно выращенном биоматериале, Регулу для контрольной проверки, как и предсказывал Краз, понадобились естественные человеческие организмы. Вот тогда-то пираты вспомнили обо мне и мне подобных. Изъяв у Антареса, меня вновь поместили в исследовательский центр, и из одного круга ада я сразу окупился в другой. Потянулась бесконечная череда постановочных экспериментов, большинство из которых сопровождалось ужасными смертями моих товарищей по несчастью, чей геном отличался от генома пиратов. Смертей было много. Так продолжалось до тех пор,

пока в конце концов не было создано то, что сейчас находится у вас в контейнере. Стекланный вирус, абсолютно безвредный для пиратов и пока еще для нас, землян, марсиан, овидиков, и не имеющий аналогов по летальности исхода для других представителей рода человеческого. Кроме того, вирус позволяет с легкостью мозаики заменять один избирательный ген другим.

Перед тем, как осуществить захват планеты, пираты доставляют к себе несколько сотен ее представителей разных рас, возрастов и полов. После чего начинается долгий кропотливый процесс поиска избирательного гена. Главное и неперемное условие: он должен быть общим у тех и ни в коем случае даже близко, в ходе различных мутаций, не соприкасаться с нашими... В качестве переносчиков заболевания пираты предпочитают использовать овидиков. В отличие от нас, землян, у этого народа сильно развит так называемый центр послушания, что очень удобно. Они легко поддаются зомбированию и не пытаются сопротивляться. В основе их мировоззрения лежит «непротивление злу насилием», овидики никогда не поднимут руку на своих порабитителей, наоборот, молча, с достоинством примут на себя все отпущенные им страдания и, даже умирая в жестоких муках, будут свято верить в неизбежное торжество добра и справедливости. Они чисты и непорочны в своих мыслях и смотрят на мир и на тебя большими печальными глазами, подчас просто вынимая душу. Но так как у пиратов души нет, то и вынимать особо нечего.

Обычно для распространения вируса пираты отбирают семерых овидиков, – почему именно семь – точно не знаю, так повелось с самого начала, – сажают в звездолет и отправляют на облюбованную планету, а перед посадкой, окончательно подавив у тех волю и разум, вручают им смертоносные ампулы. С одной стороны, дополнительные меры предосторожности, чтобы зря не рисковать своими людьми, а с другой – еще одна контрольная проверка на избирательность – вдруг вирусологи что-то напутали. Все действия и перемещения по планете зомбированных овидиков строго-настрого отслеживаются. Через несколько дней, когда дело уже сделано и при условии, если все переносчики остались живы, их забирают обратно. Если нет – уничтожают и повторяют то же спустя пару недель, но уже с новой партией.

Кари невольно содрогнулась, чувствуя, как ее сердце сжимает ледяная волна непреодолимого ужаса. «Неужели такое вообще возможно в наш продвинутый век? Подумать только, и ради чего?!» Девушка беспомощно обернулась, с мольбой взглянув на Акелса, который, к счастью, находился как всегда рядом. Но тот, слегка нахмурившись, молчал, буквально вперившись в экран сфериза. А Данияр тем временем продолжал:

– В тот день пираты должны были отправить на Сканию очередную партию овидиков, а их на базе осталось всего семеро, ни больше, ни меньше, прямо под расчет. И среди них – одна молодая женщина, невысокая, хрупкая, с большущими печальными, как на ликах святых, глазами. Таких нельзя убивать, с них иконы писать надо... Она всегда казалась мне какой-то странной, непохожей на своих сопланетников, более независимой, что ли, способной к протесту. Накануне полета она просто взяла да и шагнула вниз с лестничного пролета, разможив себе голову и тот злополучный подавляющий центр... Ее, конечно, попытались реанимировать...

К этому времени я уже давно и твердо решил для себя – уходить любыми путями, при первой возможности, а там повезет, не повезет – другой вопрос, только бы из лаборатории вырваться... И вдруг такой шанс. В общем, я вызвался сам, вместо нее. Пираты тоже особо не возражали, на этот раз у них просто не было иного выхода. Вот так я и оказался на звездолете.

Вы меня спрашивали, «Котан» это или нет. Не знаю, вполне вероятно, просто его точная копия. Я не вдавался в такие подробности, тогда самым важным для меня было лишь то, что это звездолет с примитивной системой управления и минимальным количеством экипажа, всего три человека – пилоты и охрана одновременно. Я, конечно, прекрасно понимал, что эти трое отлично подготовлены и вооружены до зубов, но я также понимал и то, что до Антареса им

очень и очень далеко, а значит, можно было рискнуть. Нас, переносчиков вируса, пираты держали в наглухо закрытом отсеке. Так сложилось, что, по очередности, на Сканию меня должны были высаживать предпоследним.

Я уже говорил, приземлившись, перед высадкой, пираты обрабатывают мозг коротким подавляющим излучением, превращая на определенный период живого мыслящего человека в послушную безвольную куклу, и вручают ему смертоносную ампулу. Разговаривать между собой в отсеке категорически запрещено, но у некоторых овидиков есть замечательная способность читать мысли на расстоянии, особенно такие сильные, как мольба о помощи. На мое счастье, последний из оставшихся овидик принадлежал именно к этой касте. Я мысленно обратился к нему и, умоляя, попросил помочь – отвлечь на минуту охранников, когда те придут за мной. Несмотря на всю свою кажущуюся безропотность, он согласился. Воспользовавшись этим, я неожиданно напал на одного из пиратов и, прикрываясь им, как живым щитом, сумел завладеть бластером. К сожалению, овидик в той схватке погиб. Двух других пиратов я нейтрализовал их же подавляющим излучателем и высадил на планете. После чего поднял, как сумел, звездолет и попытался совершить переход. Мне было все равно куда прыгать, лишь бы выиграть время и уйти от луча и погони, а в том, что они будут с минуты на минуту, я ничуть не сомневался. Но так как сам я никогда в жизни не совершал гиперскачков, а только наблюдал за тем, как их проходят другие, более опытные пилоты, то, видимо, что-то напутал в координатах, и звездолет выбросило прямо в метеоритный поток. Едва уклонившись от прямого лобового столкновения с огромной каменной глыбой, корабль тут же наскочил на булыжники сбоку и сверху, сильно потрянуло, потом еще раз и еще. Вследствие повреждения обшивки возникла угроза разгерметизации отсека, и бортовой аналитик предложил мне в целях безопасности до полного устранения неисправности переместиться в каюту капитана. Мне ничего не оставалось делать, как быстро последовать его совету. Не зная, чем закончится мое путешествие и на всякий случай, чтобы как-то привлечь внимание тех, кто когда-нибудь обнаружит мой звездолет и меня, я, покидая отсек управления, полоснул бластером крест-накрест над спинками кресел. По крайней мере, тогда мне показалось это довольно убедительным. Перейдя в капитанскую каюту, я включил сигнал бедствия и задраил дверь. Я уже хотел сесть в кресло и пристегнуться, но не успел. Последнее, что я помню, это последовавший еще один мощнейший удар, который просто сбил меня с ног, наотмашь впечатав в стену, потом меня отбросило назад, в глазах что-то вспыхнуло, и наступила крошечная темнота...

– Падая, ты, скорей всего, приложился виском о металлический магнитный обод сферы, на нем была твоя кровь, – прокомментировал Юрий. – Да и сам сфериз представлял собой жалкое зрелище. Тебя, наверное, еще бросало и не раз...

– Наверное... Если честно, больше совсем ничего не помню. Очнулся уже здесь, в изоляторе. Первой мыслью было, что я снова попал к штурмовикам Арктура, и только потом, увидев синий комбинезон Юрия, немного успокоился. Я просто боялся поверить, что вы с Земли, и кошмар, в котором я жил все эти годы, для меня, возможно, закончился...

– Конечно закончился, никаких «возможно», – поддержал его Лиар. – Через несколько часов, когда полностью восстановится связь с Космоцентром, ты еще раз подробно расскажешь все то, что сейчас рассказал нам. Я думаю, Звездный Альянс быстро найдет способ пресечь это разбойничье братство распоясавшихся космических бандитов, восстановив мир и спокойствие во Вселенной, ведь не случайно Арктур держится подальше от наших планет.

– Держался, – поправил Орлов и добавил: – Да, получить сейчас огласку не в интересах адмирала, он пока еще не готов к ведению полномасштабных Звездных Войн, особенно с таким крупным и сильным противником, превосходящим его практически во всем. Навредить, конечно, сможет, но не более того. Сейчас он только-только прощупывает почву, выискивает, так сказать, слабые места, и его вторжение на Каскару – это всего лишь первый пробный шар с далеко идущими планами...

Кари показалось, что она ослышалась, да и другим, наверное, тоже.

– Вторжение на Каскару? – обеспокоенно переспросил капитан в наступившей тишине. – Я тебя правильно понял, Данияр, Арктур готовит вторжение на планету системы звезды Проксима Центавра?

– Почему готовит? – теперь уже совершенно искренне удивился тот. – Каскара была захвачена пиратами полгода назад, почти сразу же после того, как геологическая разведка подтвердила наличие в ее недрах огромных залежей ангельюка. Арктур, конечно, изрядно рисковал, принимая подобное решение, но когда-нибудь это должно было случиться. Рано или поздно интересы Звездного Альянса и пиратов все равно бы где-нибудь да пересеклись. Жаль только, что этой точкой соприкосновения стала несчастная Каскара. Жажда наживы перевесила все разумные доводы, но отказаться от такого лакомого куска, по-видимому, было выше их сил, к тому же в пользу захвата наверняка сыграла природная изолированность планеты. Как бы то ни было, но в результате Каскару постигла та же участь, что и остальные системы: стеклянный вирус с избирательным геном уничтожил коренное население за пару дней. Теперь на огромной территории Центрального космопорта базируются пираты, следя за ходом разработок месторождений и добычи ангельюка.

– Подожди, а как же орбитальный город? – почти одновременно, с затаенной надеждой на ошибку, воскликнули Отери и Юрий. – Там уже давно обитают наши исследователи, грамотные, ответственные специалисты, почему же никто из них ничего не заметил, не сообщил в Космоцентр? – добавил Игнатов. – Нет, ты что-то путаешь, ведь они до сих пор отправляют ежедневные...

– Орбитальный город был уничтожен пиратами в первую очередь, – оборвал его на полуслове Орлов.

– Но как такое возможно? Почему наши люди ни словом не обмолвились о готовящемся вооруженном вторжении? Или их тоже внезапно поразил какой-нибудь вирус?

– Нет, бластеры... – И видя по-прежнему недоверчивый взгляд Юрия, Данияр пояснил: – На деле все происходит очень просто и быстро: по внешней границе орбиты планеты на время захвата разворачивается информационный вакуум, своеобразная черная дыра, поглощающая в себя любые входящие и исходящие сигналы. Причем для стороннего наблюдателя это выглядит как обычный секундный сбой связи, потом все вроде восстанавливается и идет в обычном режиме. Вот только этот обычный режим уже не настоящая действительность, а своего рода имитация, программа, выстраивающая иллюзию продолжения жизни как с той, так и с другой стороны. Жители орбиталки продолжают пребывать в полной уверенности, что общаются с Космоцентром, а в Космоцентре даже не сомневаются, что все данные, поступающие к ним, исходят из орбитального города. Крики о помощи остаются внутри. После нападения людей заменяют киборгами, как две капли воды похожими на своих предшественников, вакуум спустя определенное время рассеивается в пространстве, и все, никаких следов.

– Забросить на орбиту вакуумный мешок и смоделировать программу, о которой ты нам только что рассказал, в принципе не так уж и сложно, – подключился к разговору Акелс. – Но чтобы заменить настоящих людей искусственными киборгами, нужна как минимум развернутая биометрия каждого проживающего на орбиталке. А это ни много, ни мало сто девяносто семь человек, плюс время на выращивание биоматериала, которое даже в ускоренном режиме составляет дней шесть, не меньше, так?

– Наверное... У меня нет точной информации по данному вопросу.

– И не надо, вакуумный мешок держится самое большее около суток, потом начинается его постепенный распад, следовательно, создавать клонов необходимо заранее. Тогда сразу возникает резонный вопрос: откуда у Арктура биометрические данные наших сотрудников?

Данияр собирался ответить, но тут некстати, едва сдерживая слезы, вмешалась Кари:

– Ребята, так это что же получается? Выходит, людей, находящихся на орбиталке, давным-давно нет в живых, а мы вместе с Космоцентром все это время общались с программируемыми клонами?.. А Огюст Алабьев? Он ведь настоящее межгалактическое светило в области биологии! Что с ним? Может быть, ему все-таки повезло и удалось спастись?

Данияр опустил глаза:

– Сочувствую, но на орбитальный город был высажен хорошо подготовленный десант, в задачи которого не входило разбираться, кто есть кто, все люди погибли на месте, даже не успев защититься...

– О Солнце, какая бездумная и бездушная жестокость, но за что?!

– Вот тебе и Мариша. – Веда многозначительно переглянулась с Лиаром. – Сброс к первоначальным настройкам. А мы-то с тобой думали – повзрослела...

– Влад, мне кажется, нам необходимо вернуться, – тщательно взвешивая каждое слово, предложил Виор. – Если все, что он нам здесь сейчас рассказал, правда, – а я склонен верить ему, – продолжать полет бессмысленно. Мы угодим прямо в руки Арктура.

– Может, лучше бросим якорь и дождемся связи с Космоцентром? – выдвинул встречное предложение Отери.

– И что нам это даст? Или ты хочешь переложить всю ответственность за принятие решения на Звездный Альянс? Зачем?

Однако капитану было не до полемики:

– Я согласен с бортинженером. Нам необходимо залечь в дрейф и дожидаться связи с Космоцентром, – сухо сказал он, потом, немного подумав, хотел еще что-то добавить, но не успел.

«Справа по борту звездолет, два звездолета, три звездолета, – отчеканил сфериз, проецируя изображение. – Координаты... Слева по борту звездолет, два звездолета, три... Координаты... Сзади по борту...»

Маленькие юркие звездолеты появлялись и множились, как матрешки, выныривая то тут, то там, казалось бы, из пустоты, а экипаж в тревожном безмолвии смотрел на разворачивающееся перед ними действие.

– Одиннадцать, – насчитал Лиар, глядя на разбегающийся серповидный клин, идущий тараном на «Волну-6».

А Орлов, смертельно побледнев, произнес то, чего так боялся услышать каждый:

– Пираты...

– Пытаются зажать нас в кольцо. Ну что, Влад, еще один гиперскачок? – с нарочитым спокойствием уточнил Коугенс.

Капитан отрицательно покачал головой:

– Нет, мы еще после первого полностью не восстановились. Если уйдем во второй, можем остаться вообще без связи. Лучше воспользуемся старым проверенным способом и оторвемся от них на скорости.

– Но они будут сидеть у нас на хвосте и гнать на Каскару, не давая свернуть.

– Значит, пройдем над ней до Альфы Центавра А. Самое главное сейчас – выиграть время...

* * *

Ослепительные лучи Алголя с какой-то тупой жестокостью больно били в глаза, безжалостно палили, обжигая и без того покрасневшую кожу рук, высушивая последние капельки живой влаги. По-видимому, могущественные духи, покровители тепла и света, враз отвернулись от маленькой планеты бета-звезды Персея. Чем же ее жители так прогневали их, за что они обрушили лавины огня и смерти на своих ни в чем не повинных и беззащитных питомцев?

Юная водяница, стоя на коленях в безмолвной скорби и молитвенно сложив руки и хвост, с вопрошающим смирением всматривалась в неестественно лиловое, с багряными сполохами

небо. На что надеялась она, какой ответ хотела услышать от своего Владыки, которому верила, перед которым преклонялась и который так безжалостно обошелся с ней и с ее собратьями по разуму, в одно мгновение проложив между собой и ими бездонную пропасть, не имеющую границ? Как же это произошло? Ведь еще только вчера все было совсем по-другому: на планете бурно кипела жизнь, рождались и умирали люди, объявлялись войны, заключался мир, рядом находились друзья и враги. А в соседнем кристально чистом озере со своими подданными жил тот, кого водяница так мечтала назвать любимым, но который по родовому праву был сказочно богат, а значит, и недосягаем до нее... Этим утром они стали равны. Смерть породнила их всех, совершенно не разбирая, где мужчины, женщины, дети, старики. Она своими глазами видела, как пенилась и шипела, испаряясь, вода. Больше нет их домов – прозрачных озер, больше нет водного народа.

Водяница медленно повернула голову, обведя безжизненным взором группу пришельцев. Они стояли всего в нескольких шагах от нее и бесцеремонно разглядывали чудом уцелевшую от смертоносного луча одну из последних жительниц Тарулндика, как победители разглядывают жертву. В детстве водяница не раз слышала старинные легенды о якобы существовавшем когда-то сухопутном народе, но так близко видела их впервые. Черные шлемы и такого же цвета блестящие комбинезоны с алым кристаллом рубина вместо сердца, а хвост разделен на две половинки – так вот, оказывается, как они передвигаются по земле. Настоящие посланники ада. Откуда же явились эти дьяволы? Чем помешала им маленькая планета, зачем они обрекли на гибель столько людей? Кто ответит на эти вопросы, кто объяснит? Неужели Владыка никогда не покарает тех, кто принес сюда зло, неужели Всемогущий принял их под свое покровительство?

Вдруг от пришельцев отделился один и не спеша направился к ней, тяжело ступая по израненной земле. Водяница не попятилась, не дрогнула, она по-прежнему продолжала сидеть, безучастная ко всему, вот только сердце забилося часто-часто. За ним тут же поспешил другой – небольшого роста, почти ребенок. Он что-то резко сказал первому. Но его слова были встречены дружным хохотом, маленький дьяволенок оглянулся, и смех неожиданно прекратился. Отстранив рослого, он шагнул к ней.

Последнее, что запомнилось жительнице Тарулндика, это были большие широко поставленные глаза, с состраданием смотревшие на нее из-под шлема. Внезапно в этих глазах вспыхнули злые зеленые огоньки ненависти. Пришелец быстрым движением достал из-за пояса какую-то продолговатую трубку, и яркая ослепительная струйка света поглотила мир...

ГЛАВА 5. ЩУПАЛЬЦА ДЬЯВОЛА

Пираты давно остались где-то далеко позади. Расчет Владислава оказался верен: состязаться по скорости с «Волной-6» вражеским звездолетам было явно не под силу. Вокруг снова простиралась непроглядная тьма космоса. Слабо мерцали звезды, и все явственнее чувствовалось живое дыхание Млечного пути. То там, то тут навстречу попадались целые потоки гигантских метеоритов, маневрировать среди которых приходилось с большой осторожностью... На борту корабля вновь воцарилась привычная рабочая атмосфера, правда нервы, точно струны, были натянуты до предела. Все в нетерпении ждали, когда же восстановится связь с Космоцентром, но эти последние, самые томительные минуты, как всегда, почему-то затягивались, полностью выбивая из колеи, и казались просто невыносимыми. Тем не менее, никто из ребят не подавал вида.

Кари тоже старалась не впадать в панику и сохраняла деланное спокойствие, чересчур усердно занимаясь изучением останков НФМТ – того самого паучка-крестовика со странными наростами на лапках, о которых она совсем недавно пыталась рассказать своему брату. Жаль только, что Влад тогда так и не выслушал ее. Ведь то, что на первый взгляд выглядело довольно странным, на самом деле имело вполне логическое объяснение – один из уцелевших микроскопичных наростов представлял собой прозрачное стеклянное образование. «Выходит, смер-

тоносный вирус, поражающий людей, носителей избирательного гена, может оказывать косвенное воздействие и на представителей других биологических видов, например из класса насекомых. Надо будет потом обязательно показать это Юрию. Да и Веде, наверное, тоже...»

Капитан вернулся из своей каюты в отсек управления, куда незадолго до него уже прошли Лиар и Орлов.

– Ну что? – спросил он их, кивком указывая на сфериз.

– Пока ничего, молчит, – пожал плечами Коугенс. – Я на всякий случай попросил Лане проверить блок внешнего кодоприемника для исключения вероятности местной причины сбоя.

– Правильно сделал. Лане проверил?

– Еще нет, но он сразу же зайдет к нам...

И словно в подтверждение его слов дверь отсека снова распахнулась, пропуская вперед оператора связи. Правда, Молл явился не один, за ним в комнату проследовал и Акелс.

– А мы о тебе только что вспоминали... – начал Владислав, и, наткнувшись на серьезный, не предвещавший ничего хорошего взгляд бортинженера, почувствовал, как тревожно сжалось сердце. – Что случилось?

– Связи не будет, – на одном дыхании, чуть не плача выпалил побледневший Лане. – Я думал, что все нормально, я ведь все проверил, оно все выглядело, как обычно, а тут Акелс внимательно посмотрел, и...

Ленцед слегка отодвинул в сторону расстроенного мальчишку:

– Влад, поврежден кристалл главного контура, – четко пояснил он. – Причем Лане прав: внешних признаков повреждения действительно нет, оболочка сохранена полностью, а вот внутри структурированная кристаллическая решетка нарушена, образно говоря, изъедена, как яблоко, червоточинами. Только внутри яблока в результате этого появляется гниль, а здесь произошло необратимое расслоение однородного материала кристалла и превращение его в обычный песок. Восстановлению не подлежит. Для запуска кодоприемника нам потребуется новый кристалл, аналогов по мощности которому на нашем звездолете нет.

– Но как же так? Почему? Как это могло случиться? Что явилось причиной подобного превращения?! – с жаром, поддавшись эмоциям, воскликнул Лиар.

– Кристаллы листидия – сравнительно новый материал, в кодоприемниках их применяют совсем недавно. Они очень хорошо себя зарекомендовали, но пока еще слишком мало изучены. Возможно, что-то произошло при прохождении квантового порога, – попытался хоть как-то обосновать произошедшее Лане.

– А что, разве до нас никто не совершал гиперскачков? Или у них были другие кристаллы?

– Да, на многих моделях все еще используется ардонит.

Но Коугенс, казалось, не слышал его:

– Ты тоже так думаешь? – обратился он к Акелсу.

– Гадать не в моих правилах, поспешные выводы чреваты, – абсолютно невозмутимо ответил тот. – Прежде чем строить какие-либо умозаключения, пусть с этим кристаллом поработают Веда и Виор.

– Надеюсь, ты уже передал им его?

– Нет, но я пригласил их через несколько минут зайти в кодорубку. Будет лучше, если они сами обследуют все на месте.

– Согласен, так действительно лучше. Вот только в нашей ситуации это, как я уже понял, ничего не изменит. Хотя... почему не изменит? – вдруг, словно ребенок, просиял Лиар и выразительно посмотрел на капитана. Владислав понял его с полуслова:

– Ну конечно, раз у нас нет теперь внешней связи, значит, мы уже ничем не рискуем и можем запросто совершить гиперскачок.

– Не хочу вас расстраивать, но в процессе генерации искривления пространства этот кристалл тоже играл немаловажную роль, – вернул их с небес на землю Ленцед. – Правда, здесь, в отличие от узла связи, можно попробовать пересмотреть изначальную схему, заменив поврежденный кристалл другими, имеющимися у нас на борту. В результате, конечно, пороговые характеристики будут значительно уступать предыдущим, так как уменьшится радиус искривления пространства, соответственно, уменьшится и расстояние прыжка при тех же энергетических затратах, но это лучше, чем ничего...

– Сколько тебе потребуется времени? Ты сам справишься или возьмешь кого-то в помощники?

– Часа три как минимум. Один я провожусь значительно дольше, поэтому лучше, если мне помогут Отери и Виор.

– Хорошо, бери ребят, и действуйте, – не колеблясь, принял решение капитан. – Нам обязательно надо иметь хоть какой-никакой, но запасной вариант. Ты же понимаешь – только скорости может быть недостаточно.

– У нас в арсенале, кроме мазерного луча, есть еще ионно-плазменная пушка, «блуждающий сноп», – как бы невзначай напомнил ему Коугенс.

– Я знаю, но космический бой давайте отложим на самый крайний случай, зачем зря рисковать? Возможно, нам все-таки удастся проскочить и так.

– Возможно...

– Ладно, я, пожалуй, пойду, – перебил их Ленцед. – Правда, для начала я все же загляну в кодорубку, пообщаюсь с Ведой и Виором, тем более что сам их туда и позвал. А ты как: остаешься здесь или идешь со мной? – обратился он к Моллу.

– Я тоже пойду с вами, – неожиданно заявил Лиар, поднимаясь. – Вернее, мы с Лане пройдем в кодорубку, а вы с Отери займетесь разработкой альтернативной схемы для прыжка. Виор присоединится к вам чуточку попозже...

Дождавшись, пока они выйдут, Данияр встал и нервно прошелся из угла в угол. Потом подошел к иллюминатору, постоял еще немного, сжав кулаки, и вдруг решительно обернулся к капитану:

– Влад, ваш корабль – военный и является новейшей разработкой Звездного Альянса?

– Не совсем так, вернее, в части разработки – да, ты прав, «Волна-6» – самая последняя экспериментальная модель звездолетов серии ДС – дальнего следования, и в корне отличается по своим характеристикам и управляемости от других кораблей. Устойчивая суперманевренность даже на критических скоростях. Но полностью военным наш звездолет назвать нельзя, хоть он и оснащен очень действенными средствами защиты... А почему ты об этом спросил?

– Значит, речь все-таки шла о вашем корабле, а я ведь так надеялся, что ошибся.

– Что ты имеешь в виду, Данияр? В чем ошибся? Если ты беспокоишься, что снова попадешь в руки к пиратам, то это полностью исключено, я не допущу стыковки. Мы будем прорываться к нашей технической базе на Игрушке, планете системы альфа Центавра А, и, если понадобится, найдем, чем отразить удар. Конечно, нештатная ситуация со связью случилась довольно некстати, прямо как по закону подлости, но в жизни всякое бывает...

– Закон подлости тут ни при чем. Влад, я уверен, разрушение кристалла не обошлось без вмешательства Арктура, – твердо сказал Орлов.

На что тот лишь слегка пожал плечами:

– Очередной вакуумный мешок не может разрушить кристалл.

– Почему обязательно мешок? Есть и другие весьма эффективные способы, например, облучение, перепрограммируемые навичипы или просто обычное химическое поражение. Ведь если одна ампула стеклянного вируса способна уничтожить население целой планеты, то наверняка у пиратов имеется еще какое-нибудь вещество, одна капля которого может запросто изменить кристаллическую решетку.

– Наш звездолет – это герметичная капсула с наивысшей степенью защиты от разного рода излучений определенного диапазона. Превышение диапазона несет реальную угрозу всему кораблю, о чем незамедлительно последует предупреждение системы безопасности. Поверь мне, любое подобное воздействие мы бы сразу прочувствовали.

– Если это касается воздействия извне, то да, не спору, а если оно произошло изнутри?

– Что ты хочешь этим сказать? – Вот теперь капитан был удивлен по-настоящему и даже не пытался этого скрыть.

– Видишь ли, незадолго до побега я оказался случайным свидетелем разговора двух штурмовиков Антареса, Хорта и Бекрукса. Не обращая на меня ни малейшего внимания, они громко спорили о возможностях какого-то суперсовременного военного или полувоенного корабля Звездочетов серии ДС. Мои мысли тогда были заняты совершенно другим, и я не сильно прислушивался, вникая в подробности, я уловил лишь одно – этот звездолет представляет для пиратов огромный интерес, и они хотели бы заполучить его любой ценой. Те парни нисколько не сомневались, что корабль вот-вот окажется прямо у них, а доставит его некто Садира, который очень хорошо знает свое дело.

– Ну и кто же такой этот Садира?

– Без понятия, скорее всего, он из внешнего подразделения спецслужбы Прочиона, их еще называют агентами Арктура, но я никогда не видел его. По крайней мере, его имя мне точно ни о ком и ни о чем не говорит, я даже не знаю, мужчина это или женщина. У адмирала агенты почти на каждой планете...

– Агент Арктура, – словно вслушиваясь, повторил за ним Владислав. – Странно, у меня складывается ощущение, будто мы перенеслись в эру околоземного космоса или даже намного раньше. Я почему-то всегда был уверен, что шпионские и военные игры остались в далеком прошлом, ведь человечество давно повзрослело.

– Человечество в целом, может, и повзрослело, хотя вопрос довольно спорный. По моему, оно просто перескочило на другой виток развития. Со временем меняются лишь костюмы и декорации, низменная человеческая натура остается прежней...

Капитан мог бы поспорить про извечную проблему добра и зла, но сейчас было не до того.

– Данияр, а почему ты все-таки решил, что речь шла именно о нашем звездолете? Ты сказал «корабль Звездочетов»...

– Звездочетами пираты называют представителей Звездного Альянса.

– Вот как... Но разве у Звездного Альянса мало новых кораблей, кроме «Волны-6»? Ведь выход из строя главного контура еще не повод считать, что на борту действует враг, и это на самом деле может оказаться простым совпадением.

– Новых звездолетов выпускается действительно много, но не каждый из них является экспериментальным. Что до простых совпадений, то я уже давно не верю в случайности, особенно в те, которые происходят в нужное для кого-то время и в нужном месте...

– Хорошо, давай на минуту допустим, что Садира действительно находится среди нас. Почему же ты сразу не сказал об этом ребятам?

– Он не просто среди нас, он один из нас. Для начала я хотел предупредить только тебя. Но уже сейчас начинаю понимать, насколько сильно рискую. А вдруг ты и есть тот самый агент Арктура? Как ни крути, но это ведь именно ты принял решение уходить на скорости вместо прыжка. Почему? Да, если посмотреть с одной стороны – ты беспокоился о скорейшем возобновлении связи, а если взглянуть с другой? Может, ты уже заранее знал, что кристалл не сработает, и тянул время?

– То есть, по-твоему, получается, что теперь никому нельзя верить? – спросил капитан, слегка обескураженный подобной логикой. – Ну и какой же из всего этого выход? – продолжал допытываться он. – Что ты предлагаешь? Проверить еще раз биометрию каждого члена экипажа?

– Биометрия здесь вряд ли поможет, – сказал Орлов. – Как я уже говорил, мы с пиратами принадлежим к одной ветви эволюции и практически ничем не отличаемся на уровне ДНК, нам даже в речевом диапазоне для понимания не нужна дополнительная прокачка переводчиком... Единственная зацепка – это если Садира недавно менял свою внешность...

– Зачем?

– Ну мало ли. Я просто предположил. Вдруг его подгоняли под кого-то из вас или убрали застарелые шрамы, рубцы, которые могли выдать чужака... Но опять же, биометрию проводит машина, а машину проектировал человек, следовательно, человеку ничего не стоит ее обмануть... Мне кажется, нам надо идти другим путем. Влад, ты ведь хорошо знаешь свой экипаж. Подумай, с кем из ребят за последнее время произошли разительные перемены: в характере или во внешности? А может, в этом полете у вас появились новенькие?

– В этом полете мы все новенькие. – Увидев в глазах Данияра откровенное непонимание, Владислав пояснил: – Экипаж «Волны-6» – сборный. Из всех присутствующих здесь я хорошо знаю только двоих: своего помощника и сестру. Про остальных ничего не могу сказать. О некоторых я был наслышан и знаком с ними, что называется, заочно, еще до полета, а с кем-то вообще повстречался только на борту.

– Ну, так это уже кое-что, – обрадовался Орлов. – Значит, три человека из..?

– Из десяти, – подсказал капитан и тут же поправился: – С тобой – из одиннадцати.

– Три человека из одиннадцати отлично знают друг друга. Это ты, Лиар и...

– Кари, Кариленд. Она не член экипажа, а обычный пассажир.

Данияр пристально посмотрел на него, но от комментариев воздержался:

– И Кариленд... А ты говоришь, что некому доверять. Значит, я не ошибся, поделившись конфиденциальной информацией именно с тобой. Итак, остается всего семь. Я не считаю себя, потому что проверка здесь возможна только развернутой биометрией и виртуальной идентификацией, если, конечно, в локальной базе корабля все еще имеются мои данные.

– Так как «Арлодон-105» до сих пор числится в списках «пропаданцев», в локальных базах всех кораблей Звездного Альянса хранятся данные на каждого члена его экипажа, и наша «Волна-6» – не исключение. Развернутая биометрия и виртуальная идентификация уже проведены, они показали сходство на девяносто девять и две сотых процента. Это неплохой результат, даже очень неплохой, особенно если учитывать тот фактор, что ты долгое время подвергался генетическим исследованиям с постановкой вирусологических экспериментов. Поэтому я предлагаю больше не возвращаться к этому вопросу.

– Как скажешь...

– Таким образом, правильно, остается всего семь, о которых мы не знаем ничего вообще или знаем совсем чуть-чуть.

– Давай посмотрим, кто эти семеро, – предложил Орлов, и Владислав, чувствуя, что надо все-таки с чего-то начинать, скрепя сердце, принялся перечислять:

– Астрохимик Веда Глоувес, вирусолог Юрий Игнатов, два бортинженера: Отери Фрацес и Акелс Ленцед, астрофизик Виор Кирилов, космический психолог Лито Аксенова и оператор связи Лане Молл.

– Лане Молл – тот самый мальчик, которому Лиар поручил проверить кристалл, вернее, весь блок связи? – как бы между прочим уточнил Данияр.

– Да, совершенно верно, но... Подожди, тебе что, знакомо его лицо? Откуда? Ты его где-то видел? – не на шутку встревожился капитан.

– Нет, я вижу его впервые, как впрочем, и всех остальных, – спокойно ответил Данияр, Владислав облегченно вздохнул. Но Орлов, не давая окончательно расслабиться и стряхнуть с себя назойливые мысли, продолжил: – Просто я хотел тебя спросить еще вот о чем: а Акелс... Ну тот, который пришел вместе с ним... Как он оказался в кодорубке и что вообще там делал?

– Скорей всего его позвал Молл.

– Зачем?

– Видишь ли, как тебе лучше объяснить? Лане – неплохой специалист в области бортовой аппаратуры по приему-передаче сигнала, неоднократный финалист межпланетных конкурсов космической связи будущего, для него не проблема разобраться в любой существующей схеме. Но, как ты сам заметил, он еще очень молод, совсем мальчик, и, кроме знаний и интуиции, у него практически нет жизненного опыта, к тому же это его первый полет межгалактического уровня. Вот Ленцед и взялся за ним приглядывать. Лане нисколько не возражает против такого кураторства, даже наоборот, с радостью учится у Акелса, консультируясь с ним по разным вопросам. По-видимому, проверяя контур, Молл в чем-то засомневался, если позвал на помощь своего старшего друга, но это мы потом уточним у него самого.

– Да, конечно, уточнить обязательно придется... – рассеянно бросил Данияр. И тут же, весь подобрavшись, сказал: – Влад, мне кажется, нам надо не мешкая поднять личные данные каждого из этой «великолепной семерки»: где учились, стажировались, сколько было полетов и куда, чем занимались на земле и каким образом попали на «Волну-6». Особое внимание необходимо обратить на такие моменты, как слишком долгое отсутствие на родной планете, несчастные случаи или аварии во время предыдущих путешествий, пусть даже самые незначительные, кардинальная смена деятельности или отказ от других полетов по каким-либо причинам незадолго до старта «Волны-6»...

– Хорошо, – на удивление быстро согласился с ним Владислав. – Вот ты этим и займешься. Считай, что доступ к архиву космотеки я тебе уже открыл.

– Я? – слегка опешил Орлов, по-видимому, не готовый к такому повороту. – Но почему именно я? – растерянно переспросил он.

– Тебя что-то смущает?

– Да, в принципе, нет... Просто я думал, ты поручишь это Лиару или подключишь сюда свою сестру...

– В свете последних событий Лиар незамедлительно займется вопросами стратегической безопасности нашего корабля, – жестко ответил ему капитан. И более миролюбиво добавил: – Что же касается моей сестры, то Кари еще сущий ребенок, не в меру любопытный и болтливый, и чем меньше она будет знать, тем спокойнее и лучше будет для всех нас. Поэтому собирать информацию придется все же тебе. Посмотришь, разберешься, что к чему, пообщаешься с ребятами, ну и заодно познакомишься поближе. Ты – новый человек на звездолете, а новичку всегда свойственно задавать вопросы, порой даже совершенно излишние, это ни у кого никогда не вызовет таких подозрений, как если бы то же самое спросили Лиар или я.

– Насчет новичка ты прав, я действительно не учел этого, – прикинув, сказал Данияр с некоторой долей восхищения. – Я тебя понял и все сделаю как надо, не сомневайся.

– Я и не сомневаюсь, – улыбнулся в ответ Владислав, но, тут же спохватившись, серьезно предупредил: – Сразу докладывай обо всем, что покажется тебе странным или подозрительным, не тани, а главное – не пытайся докопаться до истины самостоятельно. Космотека находится на второй палубе, рядом с зоной отдыха и оранжереей. Если хочешь, давай провожу.

– Не стоит, сам найду. Влад... – Орлов опять немного замялся.

– Что-нибудь еще?

– Да, то есть, нет, не совсем, – смешался Данияр и наконец решился: – Влад, я просто хотел бы еще раз увидеть своего отца... Надеюсь, это возможно?

– Конечно, – вполне понимающе отнесся тот. – Архив «Арлодона-105» тоже будет в твоём распоряжении. Так, наверное, даже лучше, – рассудил он, в волнении взъерошив свои короткие непослушные волосы. – По крайней мере на вопрос каждого, кто заглянет в космотеку и поинтересуется, что ты там делаешь, у тебя всегда найдется готовый ответ.

– При этом я даже не покривлю душой, – с заметной грустью добавил Орлов, уходя.

Оставшись один, Владислав устало откинулся в кресле, прикрывая глаза. И тотчас откуда-то издалека вереницей, сменяя друг друга, перед ним начали проступать хорошо знакомые лица экипажа корабля. Вот пухлые, по-детски сжатые губы, большие, как у куклы, голубые глаза и широкие скулы – Лито Аксенова, врачеватель душ и рассудительный психолог. Вот угловатые, точно высеченные из камня, слегка непропорциональные черты с волевым скошенным подбородком – астрофизик Виор Кирилов. А вот и их первая красавица, золотоволосая королева Веда Глоувес...

«Нет, не верю, – отгоняя прочь мрачные мысли, вслух прошептал капитан. – Среди нас – и вдруг враг? Не может быть. Данияр просто ошибся, речь шла совсем о другом звездолете. И вообще, зачем я паникую раньше времени, ведь сначала надо получить результаты экспертизы...» Но навязчивые сомнения уже пустили липкую паутину предубеждений и не собирались никуда отступать.

Долгожданные результаты экспертизы не принесли ничего нового и окончательно и бесповоротно подтвердили, что злополучный кристалл главного контура подвергся кратковременному химическому воздействию. А именно: на него было нанесено неизвестное науке вещество, в состав которого предположительно входил исбарк. В чистом виде исбарк редко встречается в природе и образует крайне неустойчивые проникающие соединения. Результатом такого соединения и распада явилось необратимое частичное разрушение кристаллической решетки листидия. Но вот откуда на звездолете взялся исбарк, Веда, как ни пыталась объяснить, так и не смогла...

– Привет! – улыбнулась Кари, проскользнув в еще не до конца приоткрывшуюся дверь космотеки.

Орлов обернулся, взглянул с опаской, но, увидев миловидную девушку, тоже улыбнулся в ответ:

– Привет! Если не ошибаюсь, ты – Кариленд, сестра Влада? – на всякий случай уточнил он, хотя сразу ее узнал.

– Для друзей я просто Кари.

– Договорились. А меня зовут...

– Данияр, – нетерпеливо перебила она его. – Мы же с тобой уже знакомились по внутренней связи, когда ты рассказывал нам о себе.

– Да, конечно, я помню... Но я хотел сказать другое. На «Арлодоне-105» меня звали Данькой или Дани, у пиратов – Дэн, так что выбирай.

Девушка внимательно и в то же время немного лукаво посмотрела на него, что-то прикидывая:

– Ну, из Даньки ты уже точно вырос. Как пираты тоже не хочу – режет слух, вызывая ненужные переживания. Если не возражаешь, я буду звать тебя Дани, – решила она и, не дожидаясь его согласия, тут же поинтересовалась: – А что ты здесь делаешь? Кто это? – кивнула Кари на голограмму высокого широкоплечего мужчины.

– Мой отец, Светозар Орлов.

– Я так и подумала. Он был, наверное, очень сильным и хорошим человеком, – добавила девушка, подходя поближе. – У него добрые глаза и располагающая улыбка...

– Наверное. Я его почти не помню, – с горечью признался ей Данияр.

– Ну еще бы, столько лет прошло... – попыталась сгладить ситуацию Кари.

– Нет, не в этом дело... Просто, понимаешь, те последние мгновения жизни отца были такими страшными для меня, что я постоянно старался забыть о них, вычеркнуть из памяти. Но как только я начинал думать о Светозаре, перед глазами вновь возникала та же картина. Я стал бояться воспоминаний и заменять их нечеткими размытыми образами. Постепенно родные черты вытеснились теми вымышленными, а потом и вообще пропали. И вот сейчас я снова вижу отца таким, каким он был много лет назад, настоящим.

– И снова боишься?

– Нет, теперь отчетливо понимаю, каким глупым был тогда... Ты ведь тоже рано потеряла своих родителей?

Его вопрос застал Кари врасплох. Она всегда старательно избегала этой темы, и лишь немногие знали, что пришлось пережить жизнерадостной улыбчивой девочке в тот теплый июньский вечер, который она искренне ненавидит до сих пор. Кари молча кивнула, поспешив перевести разговор в другое русло:

– А вот того парня, слева от твоего отца, мне кажется, я откуда-то знаю или где-то видела раньше, причем совсем недавно. – Она указала на темноволосого синеглазого красавца, небрежно облокотившегося на огромный валун в парке космоцентра.

– Скорей всего по сферизу шла очередная передача, посвященная космонавтике или «пропаданцам».

Что-то неуловимо знакомое было во всем его облике, оно ускользало и притягивало одновременно, но вот что именно, Кари, как ни старалась, никак не могла понять:

– Да нет, у меня такое ощущение, будто я встречала его вживую. Вот только где и когда?..

Орлов еще раз пристально взглянул на изображение, правда, всматривался в него недолго:

– Кари, это совершенно исключено, – твердо заявил он. – Того парня звали Глеб Викулов. Он был оператором связи и в то же время помощником моего отца. Наверное, ты просто ошиблась, а может, с кем-то спутала...

– Может быть. – Девушка не стала с ним спорить, но про себя все же подумала, что перепутать такого видного парня было бы непростительно сложно. И раз она его действительно не помнит, значит, его никогда и не было в ее жизни.

А призрачный Глеб, отринув столетия, все так же весело рассказывал что-то крутившемуся рядом сероглазому сорванцу, в котором Кари безошибочно узнала юного Данияра, а мальчуган заразительно смеялся...

* * *

Оплавленные каменные обломки продолжали рушиться на мертвую, сожженную дотла землю. Это все, что осталось от тех новых зданий, корпуса которых совсем недавно гордо устремлялись в оранжевую высь, украшая молодой и перспективный город. Все осталось в прошлом. Цветущего города больше нет – сегодня ночью он превратился в бесформенные груды бетона и искореженного металла и погреб под собой обуглившиеся трупы людей. Куда ни глянь, везде царили хаос и смерть. Но мальчик уже не смотрел по сторонам и не вздрагивал от каждого шороха. Он брел из последних сил, едва переставляя разбитые ноги. Лохмотья рубашки, присыпанной ровным слоем пепла, казалось, спеклись с обожженной кожей тела и причиняли нестерпимую боль. Сильно саднили раздробленные пальцы рук, а гарь разъедала слезящиеся кровью глаза. И все же подросток упорно продолжал идти вперед в слепой надежде выбраться из этого ада.

Вдруг на дорогу легла чья-то тень, преграждая путь. Мальчик с трудом поднял голову. Прямо перед ним, на расстоянии вытянутой руки, стоял один из тех, кто принес сюда весь этот ужас и уничтожил жизнь. Пришелец был в черном, а слева у него на груди алел кроваво-красный кристалл. Большие, широко поставленные глаза пристально изучали мальчика. И тот, в свою очередь, тоже попытался рассмотреть его. Странно, на вид пришелец казался почти ровесником, но какая огромная бездна разделяла их: убийца и жертва, победитель и побежденный... Побежденный? Нет, никогда! Сейчас бы какой-нибудь обломок бетона из тех, что в таком количестве валяются под ногами, но нагнуться за ним – это значит уже не встать, просто не хватит сил. Мальчик обреченно вздохнул и облизнул потрескавшиеся от невыносимого пекла губы.

– Убийца, – едва слышно произнес он, даже не задумываясь, поймет ли его пришелец, но тот, кажется, понял, отшатнулся. Голова раскалывалась, мысли путались, но надо было успеть сказать все. – Мы столько лет ждали вас, с такой надеждой представляли, как однажды вы сами явитесь к нам. Мы верили, что вы будете сильнее и разумнее нас. Ну еще бы, вы ведь можете путешествовать по Вселенной, легко преодолевая громаднейшие расстояния. И вот вы прилетели... Ты знаешь, у меня теперь никого не осталось... Мы всегда считали вас своими друзьями, братьями по разуму, а вы оказались обыкновенными убийцами!!!

– Нет! – вдруг воскликнул пришелец на их родном языке.

Мальчик осекся. Значит, он действительно понял его. Ну что ж, тем лучше.

– Нет! – снова упрямо повторил тот. – Ты ничего не знаешь!

Подросток отрицательно мотнул головой:

– А мне и не надо ничего знать, я все видел собственными глазами. В одну секунду мой младший братишка вместе с родителями превратился в черный комок пепла, а меня накрыло оплавленным куполом нашего дома. Кругом похало, отовсюду чувствовался запах горелого мяса, все кричали. Ты знаешь, как страшно они кричали? – Мальчик говорил тихо, сдавленным голосом. – Ну и кто же вы после этого? Убийцы... Ты не остановил их, ты был рядом. Разве поверят они, что ты не враг? Докажи это им! – продолжил он, кивая на груды почерневших костей, выпиравших из-под обломков. – Убийца!!!

– Замолчи! – яростно воскликнул пришелец.

Но мальчик ничего не хотел слышать. Он видел перед собой только большие зеленые глаза, в которых разом отражались и мама, и отец, и его маленький братик, и бесконечная вереница людей, знакомых и незнакомых. Как зачарованный подросток смотрел в них, а губы сами собой повторяли все громче и громче: «Убийца!» Он уже не замечал, что с каждым словом рука пришельца все судорожнее сжимает какую-то продолговатую металлическую трубку, направленную на него.

– Убийца!!! – собрав оставшиеся силы, почти выкрикнул мальчик.

Пришелец зажмурился, и в ту же секунду яркая ослепительная струйка света рассекла пространство, прожигая его вместе с булыжной мостовой...

ГЛАВА 6. МУЗЫКАЛЬНЫЙ ЧАС

Задумчиво глядя на свое отражение, Кари неторопливо расчесывала волосы. «Интересно, что я ему скажу? Или опять растеряюсь? А может, пока еще не поздно, лучше отказаться и отменить встречу, сославшись на какие-нибудь непредвиденные обстоятельства?.. Или все-таки пойти и поболтать просто так, ни о чем?.. Ладно, будь что будет. Мы сейчас находимся в таком положении, когда неизвестно, чем все это закончится. А вдруг мы погибнем, и он никогда не узнает о моих чувствах к нему?.. О, Солнце, да что же я такое говорю! Нет, мы не можем, мы не должны погибнуть. Кто же тогда предупредит планеты? Да и вообще, зачем? Умирать, наверное, очень страшно. Нет, мы будем жить». Девушка с остервенением дернула запутавшийся локон, отгоняя прочь скребущихся на душе кошек и только сейчас увидела Веду. Та стояла у нее за спиной и открыто улыбалась.

– Ты меня разглядываешь точно куклу, – не сдержавшись, в сердцах произнесла Кари.

– Я только что вернулась в нашу каюту, – снисходительно пояснила Глоувес и тут же добавила: – Но хочу отметить, ты сегодня выглядишь очень мило, я бы даже сказала сногшибательно.

– Меня вовсе не интересует твое мнение.

– Ну и напрасно, – безразлично и нисколько не обидевшись пожала плечами она. – Иногда бывает довольно полезно прислушиваться к чужим советам...

– Для кого как. Лично я привыкла жить своим умом.

– Какие вы все-таки разные с Владом, совсем не похожи друг на друга, – насмешливо протянула Веда. Напоминание о брате пришлось как нельзя кстати, и Кари, спохватившись, тотчас прикусила свой острый язычок.

...В оранжерее, которая находилась на второй палубе корабля, стояла непривычная тишина. Сюда уже давно никто не заглядывал. А ведь раньше, до стыковки с «Котаном-534», ребята часами засиживались здесь. Кари пришла чуть пораньше, осторожно, словно боясь потревожить это звенящее безмолвие, ступила на мягкий пушистый ковер травы и направилась к заветным деревянным качелям. Они находились в глубине сада, среди густых зарослей вероциска – лианоподобного кустарника с огромными, яркими, как само пламя, цветами. Вероциск со всех сторон оплел собой массивные столбы, образовав над качелями живую уютную беседку. Это было так необыкновенно. Девушка по привычке забралась в нее и принялась ждать.

Откуда-то издалека тихо полилась чарующая музыка – бессмертное произведение чело-вечества, знаменитая космическая симфония. По стенам заскользили лазерные блики, на глазах выстраиваясь в объемные подвижные голограммы, которые то и дело сменяли одна другую. Там, где еще несколько секунд назад шумел густой лес и сквозь кроны деревьев с трудом пробивался тонкий лучик света, теперь простирался бескрайний зеленый луг с резковатым, ничем не сравнимым ароматом полевых цветов, в поисках нектара летали пчелы, и жужжал большой мохнатый шмель. А совсем рядом весело журчал родник с холодной сладковатой водой, от которой заламывает зубы. Миг – и вновь все исчезло. Вот уже ласково плещутся, набегая друг на друга, теплые изумрудно-голубоватые волны. Они словно играют, а горьковато-солон-ватый привкус моря опьяняет, распирая грудь, его хочется вдохнуть как можно больше. Неожиданно море темнеет, волны поднимаются с каждым разом все выше и выше, начинается шторм. Черные громадины нависают над тобой, грозясь немедленно захлестнуть и утащить в свою пучину, но внезапно, застыв, опадают, разбиваясь о прибрежные скалы и разбрасывая в разные стороны пенные белые брызги. Солнце прячется за свинцовые тучи, начинает накрапывать мелкий колючий дождик, капли увеличиваются в размере и переходят в сильнейший тропический ливень... Время космической симфонии скоротечно. Но все, что тебе откроется, пока она звучит, будь то знойные пустыни с безжалостно палящим солнцем или царство вечных снегов и льдов, хрустальные грани которых холодно искрятся всеми цветами радуги, величественные горные вершины или низменные островки зеленых долин, все это – наша Земля. Далекая и близкая, родная Земля во всем своем многообразии и великолепии.

Наступил музыкальный час, а Лиара по-прежнему не было видно. «Неужели не придет?» – с досадой и волнением подумала Кари, больно теребя свой ни в чем не повинный локон. Вдруг совсем рядом предательски хрустнула ветка, выдавая идущего. Сердце девушки забилося часто-часто, словно готовясь выпрыгнуть из груди. Это без сомнения был Коугенс. Она не ошиблась. Раздвинув заросли вероциска, Лиар подошел и сел рядом, вытягивая вперед длинные сильные ноги. Качели слегка скрипнули, мягко качнувшись.

– Салют, малыш! Ты хотела меня видеть?

Кари не раз представляла себе эту встречу, заранее подбирала слова, которые она скажет ему, как только тот войдет, что ответит потом. Проигрывала разные варианты. И вот Лиар здесь, а она сидит, будто истукан, опустив голову, и боится наткнуться на его удивленный и немного насмешливый взгляд. И вся ее отрепетированная до мелочей речь тут же улетучилась без следа. Да еще снова это обидное «малыш»! Повисло гнетущее молчание, нарушил которое Коугенс:

– О Солнце, как же здесь все-таки хорошо! – восторженно выдохнул он. – Бесподобное местечко. Ты не согласишься, но когда мы вернемся домой, мне его будет явно не хватать. У нас на Марсе и на Земле за последнее время развелось так много всяких ненужных аттракционов – и виртуальных, и реальных. Не знаю, как тебе, но, по мне, все эти бесчисленные летающие пирамидки, ходячие сфинксы, головокружительные тарелки, планетоходики «гоп-шлеп» для

детей и взрослых ужасно раздражают своим кричащим однообразием. Мне всегда казалось, что нам постоянно чего-то не хватает, что в стремительных темпах бешеного века мы забываем о чем-то важном. Я вот только никак не мог понять чего и о чем. А сейчас понял. Нам не хватает именно таких уголков нетронутой природы. На бегу мы забываем о таких, на первый взгляд, обыкновенных качелях. Те, кто никогда не забирался дальше Луны, наверное, сочтут меня слишком древним и примитивным. Но рассуждать о космосе с Земли легко. А вот когда твоя планета за сотни парсек и тебя окружают лишь холодные звезды, почему-то снятся не космопорты и сверхскоростные космолеты, не высотные башни небоскребов и огни городов, а простые полевые цветы. Не замечала? Ты видишь перед собой целые поляны цветов, зеленую траву по пояс и старые заброшенные качели. Не причудливые центрифуги, нет, а такие вот качели с тихим старым поскрипыванием, которое ложится на душу лучше всякой мелодии. Странно, но этот космический дьявол, – я имею в виду адмирала пиратов Арктура, – как бы я к нему ни относился, по-настоящему разборчив и отличает истинную ценность, раз приобретает в свою собственность целые экзопланеты...

– Качели – это уже блага цивилизации, – наконец-то подала голос Кари.

– Ну, я же не предлагаю разом отказаться от всех благ, – улыбнулся Лиар, – тем более от таких... Ты позвала меня просто так, или у тебя что-то случилось? – забеспокоился он, разворачиваясь всем корпусом к ней.

– Да нет, у меня пока все нормально, – поспешно заверила его девушка.

– Значит, соскучилась, – сделал вывод Коугенс и честно признался: – Я тоже безумно рад, что ты вытащила меня сюда, сам бы я так и не выбрался. – Он слегка оттолкнулся ногой от земли, и качели медленно поползли вверх, а Кари, ойкнув от неожиданности, схватилась за его руку и тут же выпустила. Но Коугенс уже легонько обнял ее за плечи, притянув к себе:

– Не бойся, не упадем, я тебя крепко-накрепко держу.

– Скажешь тоже! Это я-то боюсь?! – с вызовом бросила она, напроочь забывая о цели своего визита и раскачиваясь все сильнее, но потом, спохватившись, немного сникла.

– Лиар, а почему ты вспомнил про Арктура?.. Мы не выберемся отсюда, да? – неожиданно спросила девушка, пытливо заглядывая ему в глаза.

– С чего ты это взяла?! – Коугенс резко остановил качели, и Кари, не удержавшись, с размаху ткнулась лицом прямо ему в грудь. – Ушиблась?

– А говорил «держу», – напомнила она, с досадой потирая слегка покрасневший лоб. – Смотри сам: связи с Космоцентром нет, мы летим прямо в логово к пиратам. Здесь даже не надо быть семи пядей во лбу, чтобы догадаться, насколько плохи наши дела.

– Наши дела, может, и плохи, но не настолько, насколько ты себе вообразила.

– Неужели еще хуже?

– Кари, мы с тобой не первый день знаем друг друга. Разве я тебя когда-нибудь обманывал? – не обращая внимания на ее сарказм, спросил Лиар.

– Тысячекратно. Вот, например, всего несколько минут назад. Или что, уже забыл?

– Извини, но это не считается. Я признаю себя виновным и чистосердечно раскаиваюсь...

А если говорить серьезно?

– Если серьезно, я тебе верю, я всегда верила тебе, – с чувством, пылко произнесла девушка.

– Вот и хорошо. Тогда выслушай меня внимательно и не перебивай. Во-первых, мы летим не прямо в логово к Арктуру, а строго по заданному курсу, не отклоняясь от выверенного маршрута. Да, нам скорей всего придется пройти вблизи Каскары, как и предполагает твой брат, но только для того, чтобы без помех свернуть к нашей старейшей технической базе на альфе Центавра А.

– Но почему мы сразу не можем уйти на эту базу, – несмотря на предупреждение, не удержалась от вопроса Кари, – ведь космос такой большой?

– Да, все правильно, космос очень большой, поэтому люди давным-давно проложили в нем незримые надежные фарватеры, малейший сход с которых может обернуться еще большими неприятностями, чем оголтелая шайка кочующих бандитов, якобы все еще преследующая нас. Правда, в случае крайней необходимости, мы, конечно, уйдем в свободное плавание по бескрайним просторам Вселенной, но это уже то, что называется во-вторых...

– А в-третьих? Или в-третьих ничего нет?

– Ну почему же, есть и в-третьих, только мы с Владом искренне надеемся, что до этого дело все-таки не дойдет. – Перехватив ее недоуменно-встревоженный взгляд, он пояснил: – Не забывай, мы ведь на военном корабле и неплохо подготовлены, а значит, всегда можем принять бой и попытаться прорвать блокаду. Ну а дальше нас снова выручит перевес в скорости.

– Почему же мы не хотим или боимся это сделать прямо сейчас?

– Потому что воевать всегда слишком рискованно, и пока существует мирная альтернатива, надо отдавать предпочтение именно ей... Так что выше нос... как там тебя называет Акелс, юнлик? И у нас все будет отлично-землянично!

– Ага, ты меня еще опять малышом назови, – сверкнула глазами девушка.

– А можно? – улыбнулся Коугенс и, как маленькую, погладил ее по голове. – Ну ладно, Кари, я, пожалуй, пойду, мне еще к капитану заскочить надо.

– Лиар, подожди, – торопливо остановила его Кариленд, отчетливо понимая, что сейчас он вот-вот встанет и уйдет, а самое главное – то, ради чего и была задумана эта встреча, – по-прежнему не сказано.

Он вопросительно посмотрел на нее.

– Лиар, я хотела тебе... Я позвала тебя...

Нет, это все не то! Ну как подобрать нужные слова, как справиться с этим проклятым волнением?

Язык снова камнем прилип к небу, а по затылку пробежал неприятный холодок. Наверное, так чувствует себя стоящий на краю бездонной пропасти, один неверный шаг – и...

– В общем, что бы с нами ни случилось, я хочу, чтобы ты знал: ты мне очень, очень нравишься. Я люблю тебя! – скороговоркой выпалила девушка и наконец-то решилась посмотреть в его золотисто-фиолетовые глаза.

– Я знаю это, Кари, – спокойно произнес тот, нежно привлекая ее к себе, – я уже давно все знаю. А еще я знаю и то, что ближе вас с Владом у меня никого нет. Мы с тобой всегда были и, надеюсь, останемся отличными друзьями...

– Но я говорила тебе не о дружбе! – Чуть не плача, девушка отстранилась от него. – И уж тем более я не хочу быть твоей сестрой! – расстроено выкрикнула она, на что Коугенс красноречиво промолчал. – Тебе она нравится? – не дождавшись ответа, тихо, почти полупрошептом спросила Кари.

– Да...

– Сильно?

– Кари, пойми...

– Я понимаю, я все и всех понимаю, вот только не знаю, мне то что теперь делать? Я же влюбилась в тебя, как дура! – Слезы все-таки брызнули. Украдкой смахнув их, девушка вскочила с качелей, собираясь уйти.

Но Лиар удержал ее и силой усадил рядом.

– Кари, давай поговорим.

– О чем? Будешь меня успокаивать?

– Нет, успокаивать точно не буду, да я и не знаю, как это делается в таких случаях. Просто когда-нибудь ты сама, наверное, все поймешь...

– Что пойму?

– Поймешь, что ошибалась...

– И что самое сильное и светлое чувство у меня еще впереди, – с отчаяньем, в тон ему подхватила она и с жаром воскликнула: – А может, это и есть то самое светлое и сильное чувство, какое у меня было и будет!

– Ну, тогда мне искренне жаль нас обоих.

– Почему? – Девушка непонимающе уставилась на него, даже слезы моментально сохли. – Ну, насчет меня все понятно, а с тобой что не так? Почему тебе жаль себя?

– Потому что всю оставшуюся жизнь я буду считать себя законченным негодяем и переживать, что когда-то давным-давно не смог ответить тебе взаимностью.

– Так тебе и надо! – злорадно пожелала ему Кари, окончательно приходя в себя. – Ладно, ступай, мне надо немного побыть одной.

– Плакать больше не будешь?

– Из-за тебя? Не дождешься!

– Вот теперь я узнаю прежнего малыша, – усмехнулся Коугенс, медленно поднимаясь, и, легонько толкнув качели, не спеша побрел к выходу.

Он ушел, а Кари еще долго размазывала по щекам горькие девичьи слезы, в сердцах кляня свою соперницу и в то же время ужасно завидуя ей.

Где-то у входа раздались приглушенные голоса, мужской и женский. Кари насторожено прислушалась. Голоса приближались. Судя по всему, они направлялись именно сюда. В другое время девушка без сомнения обрадовалась бы дружеской компании, но сейчас ей меньше всего на свете хотелось бы попасться кому-либо на глаза. Однако выбраться из оранжереи незамеченной было уже невозможно. Тогда, повинувшись какому-то внутреннему инстинкту, Кари проворно вскочила с качелей и, пригнувшись, бесшумно нырнула в заросли кетсена, росшего неподалеку. Похожая на земную осоку саблезубая трава ядовито-синего цвета мгновенно сомкнулась над ней, надежно укрыв от постороннего взгляда. Затаившись, Кари просидела в кетсене несколько минут, но чисто женское любопытство – кто же эти двое? – взяло верх. Осторожно, стараясь не порезаться, девушка раздвинула острые, точно лезвия, листья и едва сдержалась от возгласа изумления. Качели тихонько раскачивались, а на них обнявшись и не замечая никого и ничего вокруг сидели Юрий и Лито. Они были по-настоящему счастливы, нежно целовались и радовались каждому мгновению жизни. Тяжело вздохнув, Кари потихоньку попятилась к выходу...

* * *

Пушистый единорог Крохи всегда не любил чужаков: их мысли были путаны и пахли смертью, как в той лаборатории, где он когда-то появился на свет... Маленькое розовое тельце, всхлипывая в конвульсиях, еще цеплялось за жизнь, но изумленный взор уже подернулся мутной пеленой безразличия. Последние слезинки боли пугающе застыли в уголках неподвижных круглых глаз. Каменные ступеньки волшебного грота окрасились синим.

– Чуть больше курицы, а смотри сколько крови!

– Это же Крохи! Зачем?!

– Генетический уродец! Не переживай, Регул сколько хочешь таких наклепает!

– Нет! – Вега с остервенением бросилась на Антареса, но он опередил, с силой толкнув ее в голубую липкую жижу, растекшуюся под ногами.

Поскользнувшись, Вега упала рядом с пушистым питомцем и горько заплакала.

– Не смей! – Денеб угрожающе придвинулся к Антаресу.

Вне себя от бешенства тот моментально выхватил бластер:

– Не подходи! – предостерег он его, размахивая смертоносной игрушкой и, задыхаясь от жгучей, бессильной ненависти, закричал: – Я убью ее, я убью тебя, я убью вас всех!!!

ГЛАВА 7. ХРУСТАЛЬНОЕ ДЫХАНИЕ СМЕРТИ

– Ну как успехи? – вместо приветствия поинтересовался Владислав у вошедшего в капитанскую каюту Данияра. – Удалось что-нибудь раскопать в архиве? – Тот недоверчиво взглянул на Коугенса, и он добавил: – Все в порядке, Лиар в курсе.

– Собирая информацию, я отметил для себя несколько весьма любопытных моментов. Делать какие-либо выводы пока преждевременно, необходима более тщательная перепроверка, но учесть стоит, – сдержанно сообщил Орлов.

– И кого из нашего экипажа они касаются? Рассказывай, не тани, – сгорая от вполне понятного нетерпения, обратился к нему Коугенс.

Данияр уже собирался все детально изложить, – факты – упрямая вещь, – но его прервал вспыхнувший экран сфериза – вызывала Глоувес. Она была заметно расстроена и даже встревожена.

– Что стряслось, Веда? – спросил Владислав, предчувствуя недоброе.

Интуиция его не подвела.

– У меня пропала вакуумная ампула стеклянного вируса, – растеряно ответила астрохимик.

– Как пропала? – не понял Лиар. – Она же хранилась у тебя в специально герметизированном контейнере, ты сама нам недавно показывала.

– Контейнер пуст.

– Когда это случилось? – забеспокоился Данияр.

– Не знаю, я только сейчас обнаружила пропажу. Мне показалось, что контейнер немного сдвинут.

– А она не могла самоаннигилироваться? – цепляясь за последнюю соломинку надежды, уточнил капитан, обращаясь к Орлову.

– Как и все ампулы – лишь после ее вскрытия и полного использования.

– Но тогда получается, кто-то очень сильно не хотел, чтобы она по-прежнему оставалась у нас. Ведь попади этот образец в руки ведущих ученых Звездного Альянса, и, я уверен, вскоре была бы разработана вакцина, нейтрализующая действие данного вируса в целом, даже без учета его избирательности, – рассудил Коугенс.

– Сохранность ампулы – вот чего нам следовало ожидать и опасаться в первую очередь, а мы с тобой этого не учли!

– В первую очередь мы постарались обеспечить безопасность экипажа, – попытался оправдаться Лиар, правда, получилось довольно неубедительно.

– И я тоже хорош, совсем упустил из виду, что, завладев ампулой стеклянного вируса, Данияр тем самым перечеркнул все дальнейшие планы Арктура, – с укором добавил Владислав.

– Влад, а может, пока меня не было, в лабораторию заходил Юрий и взял ее? – предположила Веда. – Я у него еще не спрашивала...

– Юрий, – Орлов заметно побледнел и выразительно посмотрел на ребят. – Нет, только не это, его надо срочно предупредить!

– О Солнце! – в сердцах воскликнул Лиар. – Он ни в коем случае не должен покидать пределы своей каюты, пока мы ее не обнаружим.

– Почему? Объясните мне, что происходит?

Но тревога ребят, по-видимому, передалась и капитану:

– Потом, Веда, все вопросы потом, – резко сказал он, пытаясь как можно быстрее соединиться с Игнатовым.

К счастью, вирусолог оказался на месте.

– У тебя все в порядке? – облегченно вздохнув, на всякий случай поинтересовался Владислав.

– Да вроде да, – удивленно ответил тот, отрываясь от просмотра последних результатов биометрии. – А в чем, собственно, дело? Может, мне зайти к вам? – спросил он, поднимаясь.

– Нет, пока не надо, наоборот, мы хотели попросить тебя изолироваться в своей каюте на некоторое время. Видишь ли, у Веды исчезла...

Игнатов с размаху снова сел в кресло и попытался ослабить ворот комбинезона.

– Ты не волнуйся, мы ее обязательно найдем, – заверил Лиар, не спуская с него глаз, – это вынужденная мера... Юра, что с тобой?

– Ничего, просто стало немного душно, голова закружилась, но сейчас уже все прошло, – с каким-то странным придыханием ответил тот, едва шевеля посеревшими губами.

– Кажется, мы опоздали, – в отчаянье шепнул Данияр, пристально всматриваясь в его лицо, покрывшееся в одно мгновение мертвенной бледностью, и ловя блуждающий, не фокусирующийся на предметах взгляд Игнатова.

– Что? – не поверил капитан.

– Он заражен...

– Я к нему! – вскочил Коугенс, вылетая за дверь.

– Не успеете, – остановил бросившегося за ним Владислава Орлов. – Юрий, скажи, ты брал ампулу, ты вскрывал ее? Ты слышишь меня? Я прошу тебя, ответь, это очень важно...

Леденящий душу крик перекрыл все. Еще пару минут назад совершенно здоровый молодой мужчина, Игнатов теперь извивался от ужасной боли и, словно рыба, выброшенная на берег, беспомощно открывал и закрывал рот, пытаясь вдохнуть как можно больше воздуха. В эту минуту в его каюту ворвался Лиар, а за ним Веда и непонятно откуда взявшийся Акелс.

– Его надо срочно перевести в изолятор, возможно, еще удастся спасти!

– Бесполезно, счет уже пошел на секунды, – со знанием дела обреченно махнул рукой Данияр.

В каюте воцарилась тишина. Юрий метался, словно в бреду. По его лицу расплзались серые пятна, становясь все отчетливее. Собрав последние силы и обведя всех невидящим взглядом, Игнатов неожиданно приподнялся, пытаясь что-то сказать:

– Глаза... они... не... – Из горла вырвался хрип, переходящий в странное бульканье, продолжить ему не удалось. Забившись в предсмертных конвульсиях, он упал на руки подхватившего его Ленцеда, вытянулся и затих.

Акелс вместе с Лиаром осторожно усадили Юрия в кресло, а Веда тем временем зачем-то пощупала его пульс, хотя в этом не было особой необходимости. Всем и без того уже было предельно ясно: Игнатов – мертв. Вдруг облегающий его комбинезон зашипел, окутался голубоватым сиянием и бесследно испарился, обнажив тело, которое приобрело странный серебристый оттенок. Все, что произошло дальше, представляло собой по-настоящему жуткое зрелище. Кожа неожиданно сморщилась и разом начала отслаиваться вместе с мышечной массой, вскрывая вены и артерии, кровь в которых оказалась совершенно бесцветной. Они быстро, так же как и внутренние органы, съеживались и исчезали практически на глазах. Оцепенев в глухом безмолвии, ребята не знали, что предпринять. А страшное действие продолжало стремительно развиваться, притягивая взгляды и заставляя неотрывно смотреть на высвободившиеся прозрачные, чистые, как само стекло, кости. Потом словно кто-то невидимый коснулся хрустального скелета, прошелся по нему незримым смычком, и кости, прощально дзынькнув, начали лопаться, рассыпаясь в прах. Через несколько секунд в кресле, на месте Игнатова, лежала только маленькая, невесомая горстка блестящей пыли...

В этот момент в каюту вбежали Кари и Лито, затем подтянулись и остальные вместе с капитаном. Аксенова растерянно посмотрела по сторонам.

– Что здесь происходит, где Юра? – взволнованно спросила она у Лиара, который стоял ближе всех к ней.

Коугенс, не в силах вымолвить ни слова, молча указал головой на кресло.

– Но здесь никого нет, – удивилась Кари и вдруг осеклась, заметив стеклянную крошку. От тягостно красноречивых взглядов присутствующих ей стало не по себе. До последнего она надеялась на лучшее, но, переглянувшись с Акелсом, с ужасом поняла, что произошло непоправимое: – Это стеклянная болезнь?

– Да...

– Но почему он? Получается, мы теперь тоже...

– Юрий был носителем избирательного гена, – сдержанно пояснил Данияр.

– Нет, нет, нет! – вдруг закричала Лито и, зарывав, бросилась вон.

Кари хотела выбежать за ней, но Лиар перехватил ее:

– Не надо, не ходи, ей надо побыть одной.

Девушка не скинула его руку, не отошла в сторону, она просто замерла, боясь обернуться и снова увидеть то, что осталось от Игнатова. Коугенс, ни слова не говоря, в сильном волнении прижал Кари к себе. Это была первая смерть, с которой ребята столкнулись так близко и так внезапно, в отчаянном бессилии чем-либо помочь и спасти того, кто еще совсем недавно шутил, смеялся, говорил...

– То, что Игнатов был носителем избирательного гена, знали только мы трое, – напомнил Владислав, вернувшись вместе с Лиаром и Данияром в свою каюту.

– Ты подозреваешь кого-то из нас? Ну и кого же, если не секрет: меня или его? – Коугенс хмуро кивнул на Орлова.

Капитан слегка смутился:

– Не утрируй, я не то хотел сказать. Возможно, кто-то из нас поделился этой информацией с кем-нибудь еще.

– Но это мог сделать и сам Юрий, – перебил его Данияр. – Просто случайно обмолвился в разговоре...

– Конечно мог, – согласился Владислав, – вот только как нам теперь выяснить с кем у него состоялся тот разговор?

– Наверное, уже никак... Влад, а почему ты так уверен, что целью Садиры был именно Игнатов? – задумчиво поинтересовался Лиар.

– А кто, по-твоему?

– А если предположить, что никто. Если ему просто понадобилось уничтожить образец вируса, как, по-твоему, проверить это быстро и незаметно? Лично я вижу два варианта: первый – выбросить за борт, правда, тогда сработала бы система безопасности, и второй – вскрыть ампулу. Надежно, а главное – не сразу спохватятся. Тем более, Садира прекрасно знал, что на борту «Волны» присутствуют только земляне и марсиане, следовательно, ни о каком избирательном гене речи не было. Вот и выпустил джина из бутылки.

– То есть ты считаешь, что весь этот кошмар, который мы только что пережили, результат трагической случайности? И смерть Юрия не входила в его расчеты? А как же тогда объяснить попытку Игнатова сказать нам что-то про глаза?

Лиара опередил Орлов:

– Большинство инфицированных в свои последние минуты испытывают сильнейшие приступы галлюцинаций при полной потере зрения. Уж кому-кому, а мне это хорошо известно. В лаборатории, где нас держали, во время клинических испытаний над людьми пираты буквально пошагово фиксировали состояние умирающих. Мы были рядом, за стеклом, и не раз наблюдали, как мучаются эти несчастные. Возможно, те слова Юрия касались именно его внезапной слепоты и переживаний по этому поводу.

– Вообще, если разобраться, то, по сути, он не сказал нам ничего важного, – поддержал Данияра Коугенс. – Да, обрывок той фразы теперь можно интерпретировать совершенно по-разному, но совсем не исключено, что Юрий действительно имел в виду: «они не видят».

– Странно, мне просто не пришло это в голову, – рассеянно произнес Владислав.

А Лиар продолжил:

– Конечно, смерть Игнатова, как версию устранения невольного свидетеля чего-то или кого-то, целиком сбрасывать со счетов нельзя ни в коем случае, но и придерживаться только ее одной, наверное, не совсем логично.

– К тому же велика вероятность, что злополучную ампулу мог взять и сам Юрий, – поделился своими сомнениями Данияр.

– Ты хочешь сказать, он был агентом Арктура?

– Нет, я этого не говорил, я не знаю. Но Игнатов был неплохим вирусологом. А все хорошие вирусологи, если откровенно, немного странные, словно не от мира сего. Они больше общаются с микроорганизмами, чем с людьми. И Юрий, как я успел заметить, не был исключением, иначе он никогда бы не перенес свою каюту в лабораторию.

– Да, ты прав, Игнатов жил работой...

– Вот видите, поэтому он тоже мог преспокойно взять ампулу стеклянного вируса в попытке немного поколдовать для изучения его структуры с последующей нейтрализацией. К тому же Игнатову, как никому другому, было хорошо известно: в группе риска только он сам. Даже если в ходе эксперимента что-то пойдет не так, никто из экипажа больше не пострадает.

– Поэтому ты так настойчиво и выпрашивал у него, брал ли он ампулу или нет?

– Да, я хотел быть абсолютно уверенным, что пропажа вируса не его рук дело. Жаль, но мне так и не удалось это выяснить.

– Не спорю, Юрий был неординарной личностью и в то же время очень ответственным. Мне кажется, он обязательно предупредил бы кого-то из нас, по крайней мере, меня или Веду, – возразил капитан.

– Влад, а признайся честно, неужели ты дал бы ему добро на проведение подобных экспериментов? И где, на борту нашего звездолета? Лично я был бы категорически против, – глядя другу в глаза, сказал Лиар. – Молчишь? То-то и оно...

– Хорошо, допустим, – нехотя сдался Владислав, – но тогда где же, по-вашему, эта ампула находится сейчас, ведь для забора образца достаточно всего ничего? Логично было бы предположить, что она осталась в лаборатории Игнатова, а мы там ее почему-то не обнаружили. Ну и какие отсюда следуют выводы?

– Вирус представляет собой чересчур летучее соединение, – вновь пояснил Орлов, – удерживать и дозировать которое после вскрытия ампулы практически невозможно. Это сделано специально, во избежание всяких непредвиденных ситуаций при его распространении по планете. Соответственно, опустевшая ампула тут же аннигилируется.

– Ты сам сказал: Юрий был хорошим вирусологом, а значит, без труда умел обращаться с подобными препаратами. Нет, я все-таки думаю, что если кто-то и вскрыл ампулу, то точно не Игнатов и не для ее изучения с научной точки зрения. – Аргументы казались неоспоримыми.

– Возможно, ты и прав, – согласился с ним на этот раз Коугенс. – Вот только как мы поясним случившееся остальным? Ведь ребята даже не подозревают о присутствии здесь агента Арктура.

– По-видимому, для всех остальных нам пока придется придерживаться версии с неудачным научным экспериментом, – скрепя сердце, решил Владислав.

– И как долго мы будем это скрывать? Может, лучше, если экипаж узнает правду?

– Всю правду не знаем даже мы, а паника и излишние подозрения на борту «Волны-6» нам сейчас совершенно ни к чему, – отрезал капитан.

– Как скажешь, – пожал плечами Лиар. – Только учти, слепое неведение порой намного хуже, чем безобидная игра в сыщиков, оно порождает массу противоречивых домыслов и слухов.

– Еще пару часов назад я сам настаивал на сугубой конфиденциальности, – вмешавшись, напомнил Данияр. – Но сейчас, когда ситуация в корне изменилась, я поддерживаю Лиара – мы должны все рассказать ребятам. Дальнейшее замалчивание с нашей стороны ни к чему хорошему не приведет. Что же касается излишних подозрений, то, по-моему, теперь они на руку нам, а не Садире.

– Дани, если мне не изменяет память, то еще пару часов назад ты хотел доложить нам о своих результатах в работе с архивом космотеки.

Повторять дважды не пришлось. Выразительно переглянувшись с Коугенсом, Орлов больше не задавал лишних вопросов, а сразу перешел к делу:

– Как я уже говорил, просматривая интересующую нас информацию, я сделал для себя пять закладок. Первая касается Виора. Он отсутствовал на Земле более шести космических лет, куда вошли его учеба и стажировка на Дессе. За такой длительный срок круг его друзей скорей всего кардинально поменялся, особенно если учитывать тот факт, что Кирилов сам по себе очень замкнут и сложно сходится с людьми. Соответственно, Виор Кирилов, улетевший с Земли, и Виор Кирилов, вернувшийся на нее, может оказаться не одним и тем же человеком... Вторая закладка, – Данияр слегка запнулся, – касается тебя, Лиар.

Коугенс усмехнулся и удивленно воззрился на него:

– По-твоему, я тоже где-то чересчур долго отсутствовал?

– Нет, ты действительно не покидал пределы Марса, но и не появлялся на Земле три с половиной земных года. По космическим меркам это ничтожно мало, но именно на это время пришелся период твоего полового возмужания, во время которого у марсиан разительно меняется внешность.

– Хорошо подмечено, объективно, – похвалил Данияра Владислав и, опережая возмущенного помощника, добавил: – Вот только в те годы я сам частенько курсировал на Марс, и наше общение с Лиаром не ограничивалось удаленным доступом. Так что процесс его взросления с изменением внешности проходил не разительно, а постепенно, можно сказать, у меня на глазах.

– Да? Ну, тогда это совсем другое дело, – несказанно обрадовался Орлов, облегченно вздыхая. – Признаюсь честно, меня крайне напрягала такая объективность.

– Меня тоже, – как бы между прочим заметил Лиар. – Пролетели, без обид, давай дальше, – подбодрил он его.

– Третий момент пришелся на Отери Фрацеса.

– А с ним что не так?

– Одиннадцать лет назад Отери целых два месяца провел в молекулярно-генетическом центре Дельфины. Во время штатного полета к Сатурну при дозаправке произошел выброс протуберанца, Фрацес, тогда еще молодой стажер, случайно оказался в зоне косвенного поражения. Его восстанавливали, что называется, по крупицам с некоторой корректировкой внешности.

– Да, наши врачи творят чудеса, Отери выглядит как новенький, – снова не удержался Коугенс.

– Тебя смущает, было ли это чудом? – перебил его капитан. – Хорошо, кто следующий?

– Лито. Лито Аксенова, наш космический психолог. – В ответ на удивленные возгласы ребят Данияр невозмутимо продолжил: – Способности улавливать и гасить человеческие эмоции у нее не врожденные. Она открыла их в себе всего четыре года назад, но за этот короткий период смогла развиться до ступени огня. Всего ступеней, оказывается, пять, как и элементов. Я раньше не знал. В природе такое встречается очень редко, люди с приобретенными способностями обычно надолго застревают на водной ступени...

– Она может читать наши мысли или что-либо внушать?

– Нет, но она может чувствовать малейшие вибрации нашей бестелесной субстанции и пропускать их через себя, очищая от различного рода негатива... Ну и наконец, замыкает список Акелс Ленцед. Его сложно назвать домоседом, он почти все время путешествует на личном космолете, правда, перемещается, как правило, в пределах Солнечной системы. Исключение составил его давнишний, сразу по окончании космошколы, полет на Кортуну в систему Сириуса, где Акелс провел три полных космических года. Вернувшись на Землю, Ленцед еще два космических года, без перерыва, работал бортинженером на звездолетах аварийно-поискового назначения. После чего ушел в Центральное НИИ экспериментальных проектов, радикально сменив поле деятельности. Я говорю радикально потому, что, как выяснилось, Акелс по специальности – клермант...

– Клермант?!

– Да, но от готовящегося полета в систему альфа-звезды созвездия Змееносца отказался по личным причинам без конкретизации... Вот, в принципе, и все.

– Получается, каждый из тех, кого ты только что перечислил, за исключением Лиара, вполне может оказаться Садирой, – сделал неутешительный вывод Владислав.

– Спасибо за доверие, – мимоходом кивнул ему Лиар. – Как поступим с имеющейся информацией дальше? Перепроверять бесполезно. Биометрия тоже ничего не даст: сравнивать особо не с чем, да и Арктур наверняка позаботился.

– Перепроверить действительно невозможно, но присмотреться повнимательнее к этой четверке все-таки стоит...

...Только придя в свой отсек, Коугенс в полной мере ощутил, насколько выпотрошен и морально разбит. Устало прикрыв глаза, Лиар вновь увидел перед собой посеревшее лицо Юрия и сверкающую горстку стеклянной пыли в пустующем кресле. Освежающий холодный душ помог ему слегка взбодриться и кое-как привести в порядок путающиеся мысли. Но оставаться с ними наедине он все-таки не рискнул и, после недолгих колебаний, решил вернуться в отсек управления. Лиар был уже почти на выходе, когда сработал его «верный спутник» – портативный аналог сфериза, вживленный в ворот комбинезона. В отличие от своего навороченного собрата, «верный спутник» не имел электромагнитного экрана, а вся информация подавалась непосредственно в правое полушарие головного мозга владельца путем телепатической передачи с последующей визуализацией мысли. Как ни странно, но сейчас собеседник не авторизовался и был предельно краток. «Стеклянная болезнь и исбарк, не приходят сами собой», – обезличенно четким голосом предупредил пожелавший остаться неизвестным. Все дальнейшие попытки Коугенса незамедлительно связаться с ним для уточнения подробностей оказались безрезультатными. Повторно воспроизвести сообщение тоже не удалось – оно исчезло из памяти.

Вместо отсека управления Лиар отправился к капитану:

– Влад, теперь кроме врага у нас объявился таинственный «друг».

– Может, это был просто космический шум? – недоверчиво предположил тот, внимательно выслушав Коугенса. – Некоторые звездолетчики уже не раз сталкивались с подобным явлением, особенно в период нарастающего напряжения. Я сам однажды поймал его, голоса шептали так явно...

– Мне не надо объяснять, что такое космический шум, – запротестовал Лиар. – Уверяю тебя, это было самое обычное сообщение.

– Но разве этот некто не мог подойти к тебе или ко мне и в открытую поделиться своими соображениями, зачем ему понадобилось так усложнять?

– Поставь себя на его место. А если один из нас – Садира?

– Да, Данияр тоже боялся этого... – припомнил Владислав свой недавний разговор с Орловым.

– Вот видишь... Мне кажется, мы должны все рассказать ребятам, и чем быстрее, тем лучше.

– Хорошо, я подумаю, – уклончиво, но уже без прежней категоричности пообещал капитан.

* * *

– Теперь я твоя, Антарес, ты же так хотел этого, – прошептала Вега, нежно прижимаясь к его груди. – Ты рад?

– Не знаю, – равнодушно пожал плечами тот.

– Не знаешь? Ты не знаешь?! Да я как вспомню ваши гонки на виманках-квелл!

– О, это было чересчур захватывающе... И потом, ты сама настаивала на турнире.

– Настаивала, но никогда не думала, что из всех планет вы с Денебом выберете Майоранку. Это было просто безумие! Случись что с квеллом, и один из вас, а может быть, даже оба в мгновение ока превратились бы в кусок льда. Неужели тебе не было страшно? А это твое погружение в кипящее метановое озеро, чтобы обогнуть скалу и сократить расстояние. Да узнай об этом Арктур или Толиман, они испепелили бы Краза, а вместе с ним и меня.

– Обшивка квелла выдерживает температуры значительно ниже, – лениво напомнил ей Антарес.

– Все зависит от времени нахождения в этих интервалах, – живо отпарировала Вега. – А если бы под скалой оказался тупик, ледяной мешок – ловушка? Что тогда?

– Тогда сейчас с тобой был бы Денеб.

– Неужели ты уступил бы меня ему? Я ведь нравлюсь тебе, Антарес, я ведь всегда нравилась тебе...

– А разве я когда-нибудь говорил тебе об этом? – холодно отстранил ее сын Арктура.

Вега раздраженно привстала, шелковистые волосы тяжелой волной упали на обнаженные плечи, рассыпавшись по ним.

– Нет, – дрогнувшим от обиды голосом сказала она.

– Ну, вот видишь. И все же в одном ты безусловно права: в этих гонках я не мог допустить, чтобы Денеб пришел первым.

Вега внимательно посмотрела на него:

– Странно, я знаю тебя с детства, мы с тобой не раз попадали в такие переpleты, что Расскажи кому – не поверят. Я, наверное, должна была бы уже привыкнуть ко всему, но порой даже мне становится страшно. Ты вроде рядом и в то же время совершенно чужой... Чего тебе не хватает, Антарес, чего недостает?

– Власти, – ровно и бесстрастно сказал сын Арктура. – Власти над всеми, – добавил он, поднимаясь.

ГЛАВА 8. ВОСПОМИНАНИЕ О БУДУЩЕМ

Впервые за все время после стыковки с «Котаном» Владислав по-человечески выпался. Отлично понимая состояние друга, Лиар решил его не будить и сам сменил Отери за пультом управления. Корабль входил в зону созвездия Змееносца. Довольно заметно чувствовалось притяжение Барнард – звезды-беглянки, которая с каждым космическим годом становилась все холодней и холодней. В будущем ее, несомненно, ждала участь Капеллы. Последние исследования снова подтвердили неутешительный прогноз: странствуя, Барнарда медленно превращалась в планету, обрекая на гибель десятки маленьких миров, жизнь на которых только-только начала зарождаться. И больно сознавать, что Звездный Альянс пока бессилен чем-либо помочь им.

«Ну что ж, естественный отбор неизбежен, – пытался убедить себя Лиар. – Неважно, животный организм или звезда, он по-прежнему является основным механизмом эволюции, а значит, действительно необходим. В настоящее время мы еще не можем постичь всех грандиозных замыслов Творца. Любое вмешательство в природные процессы всегда чревато.

Но сколько же будет длиться подобная беспомощность? По-видимому, нам остается только запастись терпением и ждать, ждать, как Земля когда-то ждала жителей Марса, четвертой от Солнца планеты, жизнь на которой зародилась на несколько миллионов лет раньше, чем на ее голубой соседке. Ведь это мы, марсиане, одними из первых вошли в состав Звездного Альянса. Это мы по решению Космического Совета заселили Терру (древнее название Земли) первыми бактериями жизни и создали по своему образу и подобию первых людей. Мы растили их неокрепшие души и шаг за шагом вели через знания к свету, соперничая при этом с мудрыми дракками...»

Марсиане были слишком самоуверенны, если не сказать – упрямы. Они редко прислушивались к рекомендациям Космического Совета, предпочитая везде и всюду действовать самостоятельно, и вместо того, чтобы брать за основу уже имеющийся многовековой опыт других планетарных систем, учились на собственных ошибках. Приступив к разработке по примеру Коралгос искусственного солнца, марсиане отклонились от традиционного, проверенного временем кольцевого проекта Сатурна и Урана, решив после недолгих дискуссий создать концентрированный источник энергии и расположить его не где-нибудь у себя на орбите, а на планете Фаэтон, находящейся между Марсом и Юпитером. При этом они не учли простой истины: то, что вполне приемлемо для одних, может нанести существенный, непоправимый вред другим. Так случилось и на этот раз. К специфическим просчетам из-за непринятой во внимание разницы в условиях существования нашей галактики и галактики эллипса добавилось роковое смещение генератора при монтаже установки. В результате наложения грубейших ошибок произошла термоядерная реакция, по мощности значительно превосходящая сильнейший термоядерный взрыв. Фаэтон раскололся на куски, образовав вместо себя гигантский пояс астероидов. Высвободившееся колоссальное количество неконтролируемой энергии обрушилось на Марс. Несмотря на срочно предпринятую эвакуацию, спасти удалось всего лишь десятую часть населения. Досталось тогда и Земле, которая в своем развитии уже стояла на пороге вступления в Звездный Альянс. Вышедшие за пределы Солнечной системы и познавшие ничтожную часть бесконечных тайн космоса, земляне не смогли защитить себя от внезапной смены полюсов и начавшихся природных катаклизмов в виде вселенского потопа и ядерной зимы. Три уничтоженные за раз планеты – не много ли для одного неудачного научного эксперимента? Тучи радиоактивной пыли закрыли небесную синь, абсолютно не пропускающая солнечного тепла и света. Руслу рек пересохла или покрылись углекислым льдом. Там, где раньше возвышались цветущие города, теперь простирались безжизненные пустоши с грудами развалин. Уцелели только знаменитые пирамиды Космоцентра и древний, как мир, звездный страж – сфинкс. Сфинкс по-прежнему задумчиво взирал в непроглядное небо в слепой надежде разглядеть своих братьев по разуму.

Спустя тысячелетия Земля, как наиболее удаленная от бывшего Фаэтона планета, вновь стала пригодной для жизни. Правда, начинать приходилось почти с нуля. Стоунхендж, Караколь, Пернатый змей, Египетские и Бермудские пирамиды, а также другие привычные мегалиты навигационного комплекса отошли на задний план, покрыв себя бесчисленными загадками и внушив будущим поколениям благоговейный страх наполовину с безропотным трепетом перед своим былым величием.

Марс же постепенно превратился в холодную красную пустыню. Вероятно, таким и остался бы, несмотря на робкие попытки землян колонизировать своего ближайшего соседа. Но новый век межгалактического космоса принес человечеству новые открытия, среди которых было необратимое повышение температуры поверхности Юпитера. Дальнейшие исследования в этой области лишь подтвердили тот факт, что пятой планете в скором будущем суждено превратиться в звезду. Планета, родоначальник Звездного Альянса – и вдруг звезда? Перед ведущими учеными Космического Совета встал непростой извечный вопрос: «Что делать?». Как поступить в сложившейся ситуации? Споры и проектов было много, но все прекрасно

понимали: их эффективность кратковременна. Каждому небесному телу, будь то планета или звезда, отпущен свой срок и заложена определенная миссия. В своем бесконечном развитии они, как и мы, должны пройти все стадии трансформации и преобразования материи. Сдерживать естественные процессы эволюции невозможно, а порой даже чревато, их надо изучать и по возможности заранее предопределять. Взвесив все за и против, Космический Совет принял неординарное решение: не мешать Юпитеру стать звездой, а его жителей расселить на колониальные планеты и спутники Солнечной системы.

Но энергия постепенно раскаляющегося Юпитера несомненно затронула бы Землю, спровоцировав повторение глобальной планетарной катастрофы. Уберечься от дополнительного излучения можно было путем установки на орбите внешнего «ледяного» кольца, защитного блок-фильтра многофункциональной системы, успешно применяемой Сатурном и Ураном. Однако, несмотря на то, что Земля вновь достигла уровня околоземного космоса, ее технологии пока еще не позволяли справиться с этим самостоятельно. Земля уже давно привлекала пристальное внимание Звездного Альянса. Межгалактическое содружество было все-речь обеспокоено ее бесконтрольно растущим ядерным потенциалом и непрерывно раздуваемыми то тут, то там вооруженными конфликтами, за которыми стояло лишь материальное обогащение отдельной горстки мутировавших дракков. В своей ненасытной алчности к золоту эти хищные рептилоиды, когда-то в далеком прошлом покинувшие Дессу и воспользовавшиеся гостеприимством землян, пытались любой ценой удержать придуманный ими же господствующий порядок. Применяя элементы зомбирования и блокируя родовую память планеты, они нещадно эксплуатировали коренное население, подталкивая его и себя к краю пропасти. Продолжать и дальше вести политику «стороннего наблюдателя» было слишком рискованно, поэтому Космический Совет постановил вмешаться, тем более случай представился вполне подходящий. Так Земля неожиданно для всех стала полноправным членом Звездного Альянса, открыв для себя удивительные миры и навсегда избавившись от чужеродного ига.

Красные звезды считаются холодными, однако того тепла, которое начал излучать Юпитер, хватило не только для создания благоприятных условий развития жизни на Нептуне, его стало вполне достаточно и для возрождения Марса. Но теперь уже земляне, далекие потомки марсиан, снаряжали колониальные экспедиции первых поселенцев на свою прежнюю родину для восстановления там утраченной цивилизации.

С тех пор прошло три космических века, и Лиар, истинный житель нового Марса, вместе с другими своими сопланетниками постарается сделать все, чтобы история о гордой и заносчивой планете, ставшая легендой, больше не повторилась. Он приложит максимум усилий, чтобы будущим потомкам не пришлось краснеть за своих предков, с жалостью взирая на умирающие светила и миры.

В отсек управления заглянул Лане:

– Салют! – звонко поприветствовал он Коугенса. – А где наш капитан? Я думал застать его здесь.

– Влад у себя, отдыхает, – вальяжно махнул рукой в ответ тот.

– Отдыхает? – изумленно переспросил Молл.

– Почему бы и нет? Влад ведь не железный, а вполне нормальный человек из плоти и крови... Я очень прошу тебя: не тревожь его, если, конечно, это не вопрос жизни и смерти.

– Ну, если честно, я даже не знаю, насколько это важно, – неуверенно сказал Лане, по-прежнему переминаясь у порога.

Заметив, что он собирается вот-вот уйти, Лиар жестом указал на кресло напротив:

– Давай проходи, садись и выкладывай все как есть, а там мы уже вместе решим, важно это или нет.

Молл не заставил себя упрашивать, но прежде, чем поудобней устроиться в кресле, он подошел к Лиару и, достав из кармана комбинезона маленький блестящий предмет, положил его на пульт управления прямо перед ним:

– Я нашел это в экспресс-лаборатории Игнатова. Оно лежало в выдвижной нише, закатившись между пробирками.

Таинственный блестящий предмет оказался обычным кольцом. Коугенс осторожно взял его в руки и повертел, разглядывая со всех сторон. Ничего особенного, кольцо как кольцо. Серебристый ободок варьированного размера – своеобразная лакмусовая бумажка, отражающая биополе владельца в зависимости от настроения и состояния организма. Такие кольца есть почти у каждого участника полета: кто-то носит, кто-то нет.

– Скорей всего, Юрий, чтобы не повредить его, снял во время работы...

– Это не его кольцо, – уверенно перебил Лане. – У Юрия – золотое.

«Ну да, как у всех дракков», – добавил про себя Коугенс, а вслух покладисто согласился:

– Хорошо. Может быть, Лито забыла. Она ведь часто к нему заходила – сняла и оставила.

– Нет, я всех спрашивал, в том числе и ее, – все отказались. Никто из экипажа кольца не терял.

– Странно... Ну не с неба же оно упало?

– Вот и я о том же. Самое главное – оно валялось среди лабораторных образцов, которые Игнатов всегда держал в стерильной чистоте и строгом порядке, близко не подпуская никого из нас...

– Может быть, его случайно уронили, когда мы находились там?

– Я тоже сначала об этом подумал, ведь тогда все были в таком шоке. Но почему позже никто не признался?

Простодушный довод не на шутку озадачил, однако Лиар постарался ничем не выдать своего волнения:

– Ладно, – словно ни в чем не бывало небрежно произнес он, – пусть колечко останется пока у меня, вдруг все-таки отыщется хозяин, или кто-то случайно вспомнит. Ну а если нет, я на досуге сам попробую во всем разобраться.

Едва дождавшись, когда Лане уйдет, Коугенс еще раз внимательно осмотрел кольцо, но кроме небольшого скола на ободке ничего не заметил. Сверив навигационные показания автопилота и переключив полюсы отталкивания на свободный режим, Лиар, прихватив находку, отправился к капитану.

Как всегда, Владислав понял его с полуслова:

– Полагаешь, кольцо обронил тот, кто вскрыл ампулу стеклянного вируса?

– Не знаю, но человек явно что-то искал. Наверное, это случилось перед тем, как погиб Юрий.

– Или во время того... Ведь Лане нашел его, уже покидая лабораторию?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.